

Лев Гудков

Время и история в сознании россиян (часть II)

Ограниченность временных горизонтов российского населения. В соответствии с принятыми в первой статье посылками¹, структура времени определяется структурой социальных взаимодействий, обусловленных различными интересами (прежде всего, повседневной адаптации, институциональной или групповой лояльности, конформизма, редукции конфликтов и проч.), а также задачами поддержания идентичности, ценностными ориентациями, характером запросов и аспираций, параметрами мобильности и т. п. *Системный* характер временных представлений и изменений значений времени в исследовании посттоталитарного социума осознается и проявляется не сразу, поскольку в российском обществе, в котором процессы модернизации и контрмодернизации очень тесно переплетены и взаимосвязаны, их структура скрыта различными в содержательном плане социальными отношениями. Анализ массовых представлений о времени, основывающийся на данных социологических опросов или исследований общественного мнения, требует разбора разных — по масштабу, по смыслу и функциям — содержательных, предметных механизмов последовательного упорядочения действий и представлений о событиях прошлого, настоящего и будущего. Но тем важнее оказывается задача не только зафиксировать изменения в системе институтов, в массовых представлениях о них и пространстве возможностей действия самих людей (или, напротив, их отсутствие, несмотря на существенные, казалось бы, трансформации в общественной и по-

литической жизни), но и объяснить, почему в одних институциональных сферах изменения происходят синхронно, а в других — их нет или они идут с очень разной скоростью.

В качестве самого общего и предварительного вывода из разбора материала наших исследований я мог бы сказать следующее. Неудача реформ в России, прежде всего трансформации политической системы, разорвала наметившуюся было связь между повседневностью (интересами и кругозором текущего существования людей) и политикой (как сферой участия, разделения ответственности, солидарности, необходимости понимания другого и интереса к нему). Как выяснилось, для того, чтобы такая связь установилась, должен был существовать мощный пласт культурно-исторических (в том числе правовых), представлений о социальных институтах, которые вобрали бы в себя всю сложность и комплексность семантики антропологических, моральных и символических отношений в обществе и представления о длительности их формирования. Собственно, именно такова была задача эпохи Просвещения и позитивного знания. Тоталитарный режим «общества-государства» мог возникнуть только в условиях отсутствия (или срезания, уничтожения) этого слоя значений. Иллюзии перестроечного времени были порождены тем, что небогатые культурные и человеческие ресурсы определенного слоя внутри советской бюрократии были приняты за потенциал всего общества. Культурного (исторического, морального, научного, политического) потенциала этих групп хватило только на негативную часть работы по трансформации системы, а именно — критику дефектов советской власти и смену состава первого эшелона власти. Разрушение *целостности* институциональной системы советского типа не стало предпосылкой дальнейшего усложнения (структурно-функциональной дифференциации) социума, т. е. развития общества, а, напротив, привело к редукции сложности — упрощению политической подсистемы и, тем самым, стерилизации потенциала других подсистем

¹ Я рассматриваю своеобразие форм времени как различие типов поведения, включая и выражение мнений. Данная статья продолжает анализ временных характеристик и исторического кругозора «советского» и «постсоветского человека» (см.: Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3. С. 84–102). Я хотел бы систематизировать и обобщить материал по этим темам, полученный в ходе реализации многолетнего проекта Левада-Центра по программе «Советский человек», и его интерпретации в статьях и публикациях авторов, принадлежащих к исследовательской группе первого ВЦИОМа, — Ю.А. Левады, А.Г. Левинсона, Б.В. Дубина и моих собственных работах.

общества, более динамичных, поскольку их развитие обусловлено интересами массы людей и построено на других механизмах (обмена, доверия, кооперации). В результате мы имеем дело с выходом на поверхность архаических пластов культуры, крайне примитивных представлений о власти, человеке и обществе, соответствующих фазе патримониально-бюрократической организации общества со всеми рудиментарными представлениями о населении как пассивном ресурсе «героической» власти, т. е. как о ничем не связанном или не ограниченном произволе. По идее, именно историческое обучение массы должно было бы стать условием формирования слоя представлений, опосредующего отношения власти и общества, но то образование, которое давала советская школа, всего лишь «разукрашивало» мифологические структуры массового сознания, утверждая героические стереотипы вождей, борющихся с полчищами хтонических чудовищ и недругов, в сочетании с демиургической ролью основателей большевистского государства и патернализмом последующих правителей.

Советский школьный учебник истории в строгом смысле был учебником *не истории*, а иллюстрацией на историческом материале истматовской формационной пятичленки, нацеленной на то, чтобы вбить в сознание идеи железной закономерности и детерминированности прошлого как предшествующего происходящему сегодня. Такая педагогическая задача соответствовала требованиям апологии *правящей в каждый настоящий момент* власти, утверждению в молодом поколении идеи иммунитета или непогрешимости руководства страны (осознанию, с одной стороны, его безальтернативности и неподсудности для любой критики, а с другой — снятию с него всякой ответственности за принятые политические решения и действия). Идеологическая функция такого образования совершенно ясна: историческая миссия, историческая роль государства *всегда* соответствует национальным интересам, прогрессу, вызову — короче, «объективной логике законов истории». Если «не соответствует», то подлежит критике, устраняющей неправильные действия отдельных руководителей. Признание некоторых ошибок и «перегибов» высшего руководства в прошлом оказывается условием легитимности *действующей* власти, исправляющей то, что является *личным* злоупотреблением, *волюнтаризмом* или недопониманием «требований момента» предшествующими вождями, царями, генсеками или президента-

ми. Иначе говоря, целью преподавания оказывается внушение идеи (трансцендентальной по сути) власти, тождественной с «мировым разумом», объективным духом мировых процессов, правильности социального порядка. Такая конструкция в принципе не совместима с идеей понимания истории как пространства выбора, в котором находятся всякий раз действующие лица истории, пространства возможного, но далеко не всегда реализованного выбора в силу тех или иных причин, изучение которых и составляет смысл исторического знания.

Да и этот период преподавания советской истории в школах был сравнительно недолгим (я имею в виду *реальный* выпуск людей с аттестатом зрелости и «прохождением» исторических предметов). Важно отметить, что значимое отсутствие исторического сознания «компенсировалось» или компенсируется и в настоящее время активизацией самых вульгарных и диких суеверий и магических верований, а также провиденциальных, конспирологических идей и представлений о реальности. Совершенно неважно при этом, искренне ли верят в них россияне или цинично играют в них. Главное, что они ведут себя таким образом, каким это предписано правилами мифа. Собственно именно этого и добиваются кремлевские политтехнологи, закорачивая связи между повседневными интересами и уровнем политических символов и представлений.

Представление об истории как таковой возникает только как коррелятивное образование по отношению к представлению о будущем. Это исторически было так (т. е. идея истории возникла вместе с идеей направленного развития в Новое время), это утверждение справедливо и сегодня. Если нет одного, нет и другого. Это не разные или независимые друг от друга содержательные сферы значений, а общая структура организации времени. Если нет «истории», то нет и будущего (хотя бы в виде идеи повторения настоящего и того, что «всегда было»).

Интерес к прошлому может иметь разную природу: он может быть обусловлен необходимостью *поддержания коллективной идентичности* (объяснения генезиса «мы»); мотивированным *академическими ценностями познания* истории (но это наиболее редкий в обществе вид обращения к прошлому); *легитимационным* (направленным на оправдание существования тех или иных институтов и коллективных ритуалов); *маскультурным* (развлекательным); *идеологическим* (преследующим цели защиты тех или иных групповых или институциональ-

ных позиций, обвинения противников, поддержания коллективного целого, интегрированности группы); *дидактическим*, нравоучительным и т. п. Исторический интерес всегда ситуативно обусловлен, конкретен и окрашен большей или меньшей меркантильностью, политической и групповой ангажированностью, идеализмом. Функции оперирования с «историческим материалом» определяются задачами геополитики, государственно-правовой регуляции, защиты территориальной целостности и, наконец, необходимостью социализации молодого поколения и преподавания, сохранения антропологического единства «национального человека», интерпретации знаний в едином ключе и духе.

Никакого спонтанного или естественного «желания знать побольше» у массы нет, хотя опросы общественного мнения постоянно фиксируют разного рода декларации респондентов об их желании или необходимости больше знать о собственной истории и об интересе к отечественному прошлому. Смысл подобных заявлений опрошенных состоит в более или менее настоятельных требованиях поддержания определенной, лестной для национального сознания версии прошлого, укрепляющей коллективное «мы». Русский государственный и массовый национализм, апеллирующий к различным мифологемам «прошлого» (например, к «тысячелетней истории» России), антиисторичен, поскольку начисто лишен какого бы то ни было интереса к «собственно истории», к тому, «как это было на самом деле». Однако он нуждается в подкреплении собственных догм примерами из препарированной в идеологическом духе истории. История как наука представляет собой институциональную альтернативу к идеологии или демагогической политике национального целого, «интересов нации» (государства, народа, общества).

Нынешние настроения в российском обществе враждебны истории, историческому интересу, познавательному инстинкту историка. Академическая наука замкнута в своего рода научном гетто, а в публицистике, в выступлениях политиков, в СМИ доминируют тон апологетики государственной власти как таковой и, соответственно, тенденции к «эксклюзивному» пониманию истории¹. Школьная история России сегодня трактуется практически исключительно как государственническая история русских поданных (русских — в смысле этноконфессио-

нально русских — православных). В результате из истории России выпадают целые периоды и тематические разделы (колониционные войны, история соцлагеря, история еще недавно своих, союзных, республик), замалчивается или проявляется очень значительная избирательность в подходе и оценках истории отдельных территорий (прежде всего с титульным нерусским населением — Татарии, Якутии, Башкирии, Северного Кавказа и других образований с несколько сомнительным статусом), а главное — не возникает потребности знать об этом, понять сложность мотивов действующих лиц, их взаимодействие, принять как данность идею гетерономии действительности.

Прежде чем перейти к разбору смысла и значимости «исторических» представлений россиян, т. е. массового понимания событий прошлого, их структуры и состава, их функции в поддержании коллективной идентичности, остановимся на нескольких общих моментах, специфических для результатов уже первых замеров 1988–1989 гг. Во-первых, мы с самого начала фиксировали (и в дальнейшем лишь подтверждали этот факт) исчезновение почти всяких следов коммунистического мессианского сознания. Революционистская идеология, если судить по ретроспективному анализу возрастных когорт, умерла вместе с крахом хрущевских реформ, т. е. ко времени подавления Пражской весны, когда стало окончательно ясным, что социализм как система не реформируем. Осознание этого обстоятельства пришло довольно поздно к российскому образованному сообществу, поскольку ему препятствовали вполне понятные социальные интересы этого слоя и претензии на идейное руководство. В низовых слоях это сознание направленного времени и, соответственно, будущего, роли СССР (или миссии русского народа) разрушилось, видимо, еще раньше, хотя следы имперских претензий и комплексов от утраты статуса сверхдержавы сохраняются по сей день. Во всяком случае, в первом опросе «Советский человек» (1989 г.) доля ответов «Наша страна является примером для других обществ и стран» составляла всего 2% (в последнем опросе 2008 г. — 5%), т. е. эта оценка была и остается выражением позиций и взглядов маргиналов. Присущий любым вариантам тоталитарных режимов фактор «веры в светлое будущее» (и как необходимый элемент идеологии «нового общества» и «нового человека», и как оправдание репрессивной практики социального контроля — требование защиты будущего от сил реакции, и как условие поддер-

¹ См. статьи и материалы, подготовленные Людмилой Рыбиной по этой тематике в «Новой газете»: «История без права переписки» (2009. № 71) и «Школьный курс истории стал партийным» (2010. № 77).

жания распределительной функции государственной бюрократии) утратил свою силу и значимость и к моменту краха советской системы воспринимался как политический анахронизм, демагогия выживших из ума геронтократов или признак явного девиантного поведения. Однако это означает не исчезновение подобных структур сознания, а их трансформацию или транспонирование. Идеологические элементы и постулаты «нового человека» (советского человека) в момент кризиса советской системы превращаются в «утопию нормальных стран», о которой писал А. Берелович¹. На этой первой фазе реконфигурации массовых представлений имеет место перенос утопических стереотипов сознания на страны идеализируемого Запада, выступающие в качестве декларируемых ориентиров «Европа – наш общий дом» и в качестве образцов для недолгой политики модернизации и реформ. Далее (вторая фаза) элементы утопии переносятся в прошлое, способствуя идеологической фабрикацией столь же идеализированных и столь же фантастических «русских национальных традиций», разворота политики в сторону неотрадиционализма, православия и нового самодержавия или путинского авторитаризма, незаметной, но все более усиливающейся бюрократической ритуализации и сакрализации («бесконтрольной») власти, сопровождаемой возвращением к антизападничеству в сочетании с выхолащенной риторикой нового модернизационного рывка.

Утопизм как фактор структурирования времени остался в виде привычных патерналистских иллюзий и все более слабых, остаточных надежд на власть, т. е. в качестве очень устойчивой и консервативной идеологии, суть которой заключается в том, что власть «должна» обеспечивать людей определенным минимумом социальных благ и гарантий (работы, жилья, медицинского обслуживания, образования и тому подобных социальных функций). То, что власть не выполняет этих социальных обязательств, приводит лишь к аморфному социальному недовольству, расчету обывателя только на свои собственные силы, но не меняет структуры представлений о том, как устроено общество. Здесь представления о том, как «должно быть», замещают реальность, нейтрализуют или вытесняют соответствующие интересы актуального действия или участия в политике, в возможности изменения ситуации. Нерациона-

¹ См.: Berelowitch A. L'Occidente, o l'utopia di un mondo normale // Europe. 1993. № 1. P. 31–43.

лизируемым резидуумом этой идеологии «светлого будущего» следует считать смутные основания легитимности власти, гарантирующей «стабильность», «умеренный достаток» и порядок в обществе, т. е. все то, что связывается в последние десятилетия с идеализированными представлениями об эпохе брежневского застоя как лучшего времени, которое было у России в XX в.² Тотальный хронический дефицит советских лет сегодня начисто забыт, на позитивном отношении к недавнему прошлому сказывается прежде всего (в виде негативной проекции настоящего или травмы недавнего времени) опыт существования в условиях институционального развала советской системы, от которого россияне с трудом отходят и не могут отойти, поскольку об этом напоминают пугающие кризисы 1998 и 2008 гг.

Последствия советского, «извне» регламентированного, режима существования мы фиксируем не только в самом конце советского времени, но и в настоящем. В 1989 г. у 70% взрослого населения не обнаруживалось явных признаков рационального самоконтроля времени (см. табл. 1), по крайней мере, эти механизмы самоорганизации не были как-нибудь специфически акцентированы или выражены (обстоятельство, видимо, сильно удивившее бы какого-нибудь ревностного протестанта XVIII в., скажем, Б. Франклина).

Таблица 1
ПЛАНИРУЕТЕ ЛИ ВЫ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗАРАНЕЕ, РАС- СЧИТЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ СВОЮ ЖИЗНЬ ИЛИ ЖИВЕТЕ КАК ЖИВЕТЕСЯ? (в % от числа опрошенных)

Суммарные варианты ответов	1989	2008	2010
Обычно я не строю планов на будущее + в моей жизни вряд ли что-то может измениться + затруднились ответить	70	51	50
Я знаю, что будет со мной в ближайшие год-два, а на большее я не загадываю	17	33	34
Я полагаю, что через несколько лет моя жизнь серьезно изменится + я рассчитал, что добьюсь своей цели через лет через десять	14	16	16

N=1500.

² См. Левада Ю. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Вестник общественного мнения. 2004. № 1. С. 16–25; Дубин Б. Лицо эпохи. Брежневский период в столкновении различных оценок // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 3. С. 25–32.

Последовавшие за крахом советской системы институциональные изменения — формирование элементов рыночной экономики, сопровождавшееся резким сокращением государственного сектора экономики, прежде всего — квалифицированных промышленных рабочих¹ и бюджетников, рост безработицы, увеличение сектора обслуживания и торговли, усиление общей социальной неопределенности и негарантированности социального положения, болезненно переживаемые обществом, не просто ослабили связь социального статуса и дохода, но заставили людей, вопреки их воле, искать другие возможности действия, больше рассчитывать на себя, калькулировать свои ри-

ски, «вертеться», т. е. оперировать своими ресурсами, главным образом, в диапазоне среднесрочных целей и задач (удельный вес ответов о планировании «на год-два» вырос за 20 лет с 17 до 33% (табл. 1; в другой формулировке вопроса распределение ответов дает несколько иную картину, хотя общий тренд тот же: см. табл. 2)².

Так или иначе, удельный вес тех, кто проявляет хоть какие-то признаки калькуляции времени, растет и число респондентов, заявляющих о том, что они сумели воспользоваться открывшимися возможностями, увеличилось в последнее десятилетие с 7 до 12% (хотя с наступлением кризиса 2008 г. оно опять заметно упало — график 1). Кризис, который, казалось бы, должен

Таблица 2

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, НА КАКОЙ СРОК ВЫ В СОСТОЯНИИ ЯСНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ БУДУЩЕЕ СВОЕЙ СЕМЬИ, ЕСЛИ ВЫ ЖИВЕТЕ ОДИН – СВОЕ БУДУЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1997, сентябрь	1998, сентябрь	1999, октябрь	2009, октябрь	2010, июль
1. Не более чем на один день	17	23	26	13	13
2. На ближайшие недели	19	24	21	17	18
3. На ближайшие месяцы	25	23	21	25	22
4. На один-два года	16	14	15	22	25
5. На три-пять лет	5	4	4	10	9
6. На шесть-десять лет	2	1	1	2	3
7. Более чем на десять лет	1	2	3	2	3
8. Затруднились ответить	15	9	10	8	7
Сумма ответов: «1»+«2»	36	47	47	30	31
Сумма ответов «1»+«2»+«3»+«8»	76	79	78	63	60

N=1600.

График 1

ТИПЫ АДАПТАЦИИ (в % от числа опрошенных)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

¹ Именно квалифицированные промышленные рабочие были «основой» социальной структуры тоталитарного общества-государства, ее «средним классом».

² Строго говоря, сама структура временных соотношений не меняется, это колебания внутри одного и того же сознания (пределы изменений — в границах 10 пп.).

сокращать дистанцию обзора или будущего, судя по всему, имеет не слишком длительное воздействие: по мере успокоения и «стабилизации» режима горизонт раздвигается всего на полшага-шаг и зона ближайшего или дистанция «обозримого» увеличивается на несколько месяцев (примечательно здесь уменьшение числа затруднившихся ответить с 15 до 8%).

Устойчивость подобных распределений свидетельствует о том, что мы имеем дело с консервативными процессами адаптации к изменениям, о чем писал Ю.А. Левада в своих статьях о стратегиях адаптации и нейтрализации массовых протестных настроений, а также другие сотрудники Левада-Центра (М.Д. Красильникова, Н.В. Бондаренко). Но это же означает, что прежняя институциональная система оказалась разрушенной не так сильно, как это представлялось ранее, особенно в 1990-е гг. Или, правильнее было бы сказать, что изменения (появление других стандартов жизни и ориентаций на более высокий уровень жизни) оказались значимыми лишь для очень узких сегментов российского общества, получивших наибольшие выгоды от своей близости к власти, покупавшей таким образом лояльность самых дееспособных и обладающих наибольшими социальными и культурными ресурсами групп.

Как следует из данных таблицы 3, за последнее десятилетие объем групп, характеризующихся ориентациями на более высокие стандарты жизни, на ее улучшение, не превышает четверти

Таблица 3

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ, КАКИЕ ЦЕЛИ ВЫ, ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ СТАВЯТ ПЕРЕД СОБОЙ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1998	1999	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009
1. Выжить, пусть на самом примитивном уровне существования	28	22	18	16	18	15	15	20	21
2. Жить не хуже, чем большинство семей в моем городе, районе	48	55	48	55	50	58	56	55	55
3. Жить лучше, чем большинство семей в моем городе, районе	12	10	17	17	21	15	20	17	16
4. Жить так, как живет средняя семья в Западной Европе, США	9	10	13	9	8	8	7	7	6
5. Жить лучше, чем живет средняя семья в Западной Европе	3	2	3	2	3	2	3	2	2
Сумма ответов «4»+ «5»	12	12	16	11	11	10	10	9	8
Сумма ответов «3»+«4»+«5»	24	22	33	28	32	25	30	26	24

N=1600.

населения страны (т. е. тех, кто, по их словам, «выиграл от идущих в последние десятилетия изменений», а это и есть околовластные или связанные с властью круги). А если взять только тех, кто стремится приблизиться к стандартам западных стран, соответственно, оперирует категориями «будущего времени», «времени достижения», а не пассивного приспособления к внешним обстоятельствам, то приходится сказать, что их размеры даже сократились с 12 до 8%.

Именно эта небольшая, но «успешная» в плане роста стандартов жизни группа российского общества (те, кто заявляет, что им «удалось использовать открывшиеся в последние годы возможности» — график 1), резко отрывается от основной массы населения, не имеющей других оснований оценки и ориентиров, кроме представлений о том, что «так все вокруг живут».

Подобные процессы разрыва между центром (или центрами, задающими образцы или поддерживающими сложные стандарты поведения и более высокий уровень запросов) и периферией, оборачивающиеся консервацией прежних форм, т. е. традиционализацией поведения, стратегиями приспособления через снижение уровня запросов и ориентаций, оценок и т. п., имеют всеобщий характер, захватывая одновременно и изменения в структуре этнонациональности, и сферы морали, и массового чтения (потребление печатной продукции), и высшего образования, науки¹.

¹ См. Гудков Л., Пчелина М. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 31–42; Зоркая Н.А. «Ностальгия по прошлому» или какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения. 2007. № 3. С. 35–46; Она же. Православие в безрелигиозном обществе // Там же. 2009. № 2. С. 66–85; Дубин Б., Зоркая Н. Система высшего образования в оценках населения: проблема уровня и качества // Там же. 2009. № 3. С. 44–70.

Консервативный авторитарный режим («путинизм»), возникший в результате реструктуризации советской системы, не изменил базовых установок массового человека, поскольку все усилия его были направлены на сохранение системы власти и блокирование процессов институциональной дифференциации. Но такая консервация была осуществлена за счет существенно усилившейся антилиберальной пропаганды, упорной дискредитации Запада и западных моделей общественного устройства, произведенной идеологической службой нового режима, использующей новейшие политтехнологии, поскольку именно с «Западом», с «европеизацией» связаны представления о «модернизации» страны, преодолении ее отсталости, т. е. с достижением Россией того уровня, которому отвечают в настоящее время самые развитые страны.

Но не только поэтому отношение россиян к Западу, характер рецепции западных ценностей, рамки идентификации с западной культурой и т. п. носили и носят противоречивый, двусмысленный характер¹. Сама по себе эта противоречивость обусловлена тем, что разные институциональные структуры постсоветского общества, имеющие разный символический вес и функцию, меняются с разной скоростью и глубиной: наиболее устойчивыми и консервативными, как уже приходилось не раз отмечать², оказываются структурообразующие институты бесконтрольной авторитарной власти и так называемые «силовые структуры», на которые эта власть опирается — политическая полиция, спецслужбы, судебная и правоохранительная системы, а также институты образования, определяющие глубину и композицию массовой идентичности.

Кроме того, сами эти рамки существенно меняются на протяжении последних 20 лет, в течение которых велось наблюдение за противоречивым процессом перестройки советской системы, ее переходом от тоталитариз-

ма к авторитаризму. Наиболее открытым для трансформации и сближения с Западом, готовности принять западные модели социального устройства и западные ценности был период конца 1980 — начала 1990-х гг., характеризовавшийся быстрым развитием кризиса советской идентичности, распространением мазохистского сознания исторического тупика, ловушки, в которой оказалась страна. В эти недолгие 1989—1993 гг. в массовом сознании были распространены представления о том, что Россия оказалась на обочине исторического развития, что наша история была цепью чудовищных преступлений и национальных катастроф, а ценой выживания советской системы стали массовая нищета, апатия, стагнация (застой) и все более усиливающийся разрыв с наиболее развитыми мировыми странами Запада. На этом фоне кризиса системы и воспаленных комплексов бывшей супердержавы, потери прежней идеологии и сознания своего миссионерства в российском обществе создались предпосылки для рецепции западных ценностей и моделей общественного устройства. Люди плохо понимали, что такое демократия и правовое государство, каков смысл разделения властей и признание неотчуждаемых прав личности, собственности и свободы, но интуитивно понимали, что только ограничение всевластия государства может вести к интенсивному развитию экономики, к повышению качества и уровня жизни, к большей социальной защищенности населения, поскольку все это связано с усилением контроля общества над властью и более высокой степенью ответственности государства перед гражданами. Именно в эти недолгие годы вектор массовых настроений указывал на стремление в Европу, сближение с европейскими странами, готовность учиться у Европы, расширить рамки европеизации страны. Они выразились и в относительно высоком уровне символической идентификации с Европой и европейской культурой, в стремлении к прекращению конфронтации и установлению основ для прочной мирной политики, к поиску всевозможных компромиссов и соглашений, делающих международные отношения и экономическую политику более толерантной и договорной, согласованной. Однако начиная уже с 1994—1995 гг. пошел обратный процесс усиления русского компенсаторного национализма и имперского (державного) сознания, который сопровождался ростом консервативных и изоляционистских настроений, всячески усиливаемых антиреформаторскими и антидемократическими политическими силами, обвиняющими

¹ Это отношение может быть определено в самом общем виде как сочетание притягательности и отталкивания, представление о Западе как некоторой утопии современности и воплощения всего, что хотели бы иметь в самих себе и у самих себя большинство россиян, — свободы, демократии, высокого уровня жизни, социальной защищенности, гарантии прав человека, развития культуры, науки, технологий, экономики, с одной стороны, и сохраняющихся сильнейших фобий перед чужим и враждебным культурным влиянием, паранойей утраты национальной идентичности, опасности колонизации России, захвата ее богатств и подчинения, с другой.

² См. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5. С. 8—30; Он же. Природа путинизма // Там же. 2009. № 3. С. 6—21.

сторонников демократии и трансформации системы в падении жизненного уровня, в распродаже национальных богатств, сдаче перед Западом и национальном предательстве¹.

Блокирующим фактором изменения сознания времени по-прежнему остается архаическое отношение к власти, ее сверхценное значение, обуславливающее понимание ее как силы, конституирующей «общество», владеющей им, «заботящейся» о людях и наставляющей их. Обратная сторона такого рода патернализма (не представительство различных групп интересов, реализация политических партийных программ, ответственность, короткие сроки функционирования, общественный контроль, а недифференцированность, тотальность социального целого, монополизм власти) проявляется как социальная инфантильность индивида во всех сферах, кроме сферы частной жизни, поддержание значимости гемайншафтных отношений, безответственность сторон взаимодействия во всех ситуациях формальной регуляции. Быстро растущая и широко распространенная социальная зависть вызвана усилением социально-экономического неравенства, неисполнением патерналистских обязательств власти и соответствующих ожиданий населения. Компенсирующие эту фрустрацию неудовлетворенности и зависти надежды на чудо и вождя-спасителя (со стороны подданных) оборачиваются несменяемостью власти. Аккламация и безальтернативность становятся принципиальными чертами государственно-политической системы (ее «здоровый консерватизм», или, как сейчас говорят, «динамический консерватизм»). Иначе говоря, комплекс «лузеров» (чувство поражения, социальной и политической беспомощности, зависимости от внешних институциональных сил) и «принцип надежды» — взаимосвязанные вещи (у 50%, а в отдельные годы — до 60%, опрошенных россиян отмечается хроническое чувство «проигравших от идущих в стране перемен», «выиграли» от этих изменений — 23%, затруднились ответить — 27%). Причем такого рода соотношения очень устойчивы на протяжении последних лет².

¹ Привлекательность западного образа жизни (в качестве образца ценностных ориентаций) в 1991 г. была установлена у 62% опрошенных (негативное отношение — у 10%, 28% затруднились с ответом), в 2008 — у 46%, негативное отношение высказали 30%, затруднились с ответом 24%.

² Приведу в качестве примера хронически негативных реакций данные о субъективных оценках изменения материального положения семьи за последний год: у 13% оно улучшилось, у 46% осталось таким же, как было, у 38% ухудшилось (затруднились ответить — 2%; 2008, N=1600) В будущем же году, по мнению тех же респондентов, положение семьи

Резидуумы утопизма: вытеснение политики из повседневности. Принцип «надежды» работает на институциональное закрепление или инерцию советского «оптимизма», остатков тоталитарной идеологии «нового человека» и «нового общества», превратившихся (в силу неразвитости среды, не подкрепляющей мотивацию действия соответствующими средствами и нормативными ресурсами) в скрытую жажду «чуда», в соблазн психологической иррациональности, заменяющей нормы и навыки рационального расчета своих возможностей и мотивов других лиц (а также веру в собственные силы). Принцип надежды «включает» действие установок государственного патернализма и мифологическое сознание с его сюжетами и формами мышления³.

Если мы посмотрим на график динамики массовых ожиданий («Чего Вы ждете от будущего, как Вы считаете, положение дел в политическом плане или в экономике изменится к лучшему, к худшему или не изменится вовсе?»), то мы увидим, что как подъем, так и спады в оценках будущего зависят исключительно от электоральных компаний (график 2; пики «оптимизма» точно повторяют электоральные циклы: 1995—1996, 1999—2000, 2003—2004, 2007—2008), причем политические ожидания лучшего всегда чуть-чуть отрываются от экономических, «тянут» их за собой. Этот график показывает отсутствие собственных механизмов инициативы, достижения, продуктивности, зависимости от властей и их обещаний.

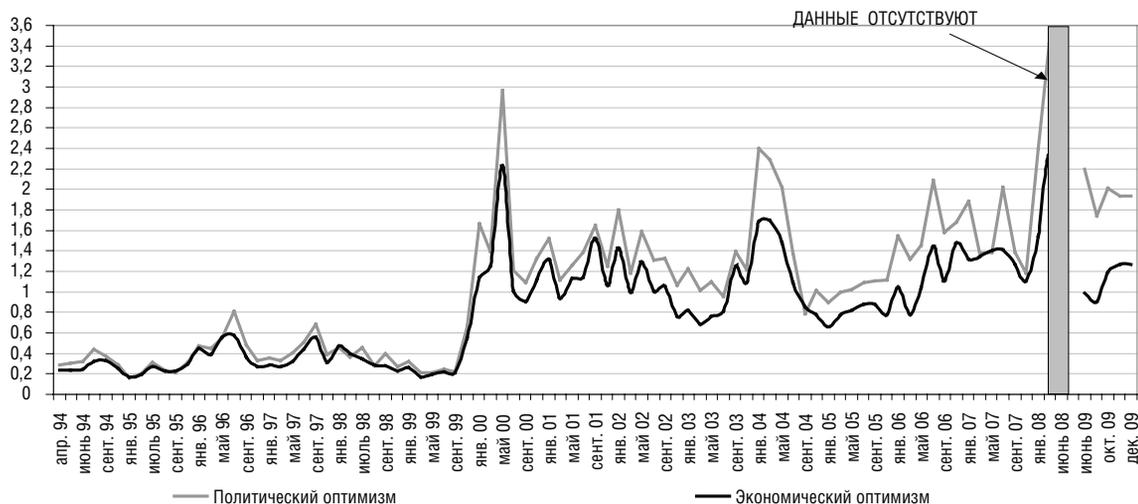
Соблазн принципа надежды (и слабость его как мотивации действия) обусловлена его функцией: служить переключателем регистра реальности, перевода одной модальности восприятия реальности в другую — в мифологическую плоскость времени и восприятия событий. Нет устойчивых механизмов, которые могли бы преобразовать мотивацию надежд в мотивацию собственного достижения, поэтому всплески ожиданий чуда

улучшится (21%), у 47% останется без изменения, у 15% ухудшится (что в 2.5 раза меньше, чем было), 17% затруднились с ответом. 85% считают, что они не могут оказывать влияние на принятие решений в делах, имеющих общее значение (по проблемам района, города, где они живут, или страны), поэтому 90% всех россиян не чувствуют ответственности за происходящее.

³ По сути, мы имеем дело с механизмом, который знаменитые немецкие психологи Александр и Маргарет Митчерлих, исследовавшие посттоталитарное сознание, называли эффектом «дереализации» (De-realisierung), который заключается в отказе придавать событиям и фактам действительности статус реальности. — *Mitscherlich A., Mitscherlich M. Die Unfähigkeit zu trauern: Grundlagen kollektiven Verhaltens. München: Piper, 1967* (впоследствии были многочисленные переиздания и переводы).

График 2

ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (Соотношение давших положительную – «очень хорошее», «хорошее» и «среднее» и отрицательную «плохое» и «очень плохое» – оценки; затруднившиеся с ответом не учитывались)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600.

быстро спадают. Отсюда и хроническое чувство «проигравших» (50% опрошенных, по их словам, «проиграли в ходе идущих в стране с 1985 года изменений», 23% «выиграли», затруднились ответить 27%). Уровень коллективных событий никак не контролируется отдельным человеком, а потому оказывается сферой различного рода мифов, проекций, предрассудков, иллюзий и упований. Слабость институтов (если их рассматривать с «нормативной», т. е. идеологически заданной, точки зрения европейского либерализма и правового государства, хотя правильнее было бы считать это специфическими характеристиками российских институтов) и соблазн надежды определяют условия перевода восприятия реальности («смена регистра») в мифологическую плоскость.

Поэтому колебания в общественных состояниях (представлениях о желаемом состоянии) связаны почти исключительно с действием пропаганды и других мобилизационных механизмов. У 86% опрошенных нет представлений о том, куда движется страна, или эти представления очень смутны и туманны (декабрь 2009 г.). Именно поэтому электоральная «вздрючка» пробуждает не солидарность и расчет, а вневременные надежды, иллюзии. Этот график показателей оптимизма показывает отсутствие собственных механизмов инициативы, достижительности, продуктивности и потому – зависимость от властей, их обещаний. При этом ресурс «как бы надежд» есть и даже очень значительный: большинство россиян в

условиях нынешнего кризиса надеются на возвращение к путинской стабильности и благополучию в самое ближайшее время (в конце 2009 г. 57% опрошенных заявили, что они верят, будто улучшение наступит уже в 2010 г., 32% полагают, что ситуация сохранится, и лишь 4% настроены мрачно, на ухудшение ситуации).

На протяжении последних десяти лет наиболее распространенные типы адаптации («приходится вертеться» и «свыклись с ограничениями») в сумме составляют 55–65% всех ответов респондентов, т. е. являются доминантными стратегиями повседневного поведения россиян.

Два других варианта поведения – «*дезадаптированных*» («никак не могу приспособиться») и «*успешных*» («удалось добиться большего, использовать открывшиеся возможности») – располагаются по краям основного массива. А это значит, что у основной массы населения отсутствуют представления о будущем, ориентации на более высокие ценностные стандарты жизни или соответствующие им стратегии их достижения. Отсюда и возникает эффект социальной зависти («зелен виноград»), глухое раздражение и недовольство существующим порядком распределения благ и возможностей, выливающиеся в утверждение о несправедливости нынешней системы власти и общества, распределения государственных доходов или о корыстности и эгоистичности, коррумпированности власти, присваивающей себе основную часть национальных богатств.

Таблица 4

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ ДВИЖЕТСЯ НАША СТРАНА, КАКИЕ ЦЕЛИ ПОСТАВЛЕНЫ ПЕРЕД НЕЙ ЕЕ НЫНЕШНИМ РУКОВОДСТВОМ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2004, март	2005, август	2006, август	2009, август
Довольно ясное представление	18	14	22	20
Довольно смутное представление	43	41	36	43
Нет никакого представления	22	22	24	21
Ясно, что дела в стране пущены на самотек	13	18	13	8
Затруднились ответить	4	5	5	8
Сумма негативных высказываний	82	86	78	80

N=1600.

Путинские годы (настоящее России в сравнении с другими периодами правления) оцениваются согласованно и позитивно, и чем моложе опрошенные, тем выше уровень позитивного консенсуса: у самых молодых респондентов, от 16 до 24 лет (т. е. рождения 1984–1992 гг.), этот показатель достигает 83%, с возрастом он опускается, но и у самых пожилых, от 65 лет и стар-

Таблица 5

ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ, ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ НАЧИНАЯ С 1992 г. ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1999, декабрь	2002, ноябрь	2002, декабрь	2006, декабрь	2007, декабрь	2008, декабрь	2009, декабрь
Выиграли	10	20	22	22	29	36	23
Проиграли	74	70	57	57	41	37	50
Затруднились ответить	16	10	21	21	30	27	27

N=1600.

Таблица 6

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ, КОТОРЫЕ ИДУТ В СТРАНЕ, НАЧИНАЯ С 1992 Г., ПРИНЕСЛИ РОССИИ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ ИЛИ БОЛЬШЕ ВРЕДА? (в % от числа опрошенных)

	2000 февраль	2005 декабрь	2006 декабрь	2007 декабрь	2009 декабрь
Больше пользы	14	27	29	43	29
Больше вреда	76	56	53	35	48
Затруднились ответить	11	17	19	22	23

N=1600.

ше (годы рождения – 1920–1942), он составляет 70%; у низко образованных – 77%, у людей с дипломом вуза – 72%. Доля затруднившиеся с ответом во всех группах невысока (от 6–10% до 15% у самых старых).

Высокая оценка путинского периода определяется резко возросшим значением «принципа надежды», выполняющего крайне важную роль в конструкции реальности. Нет сомнения, что эти годы были самыми благополучными в новейшей истории страны¹, однако это благополучие распространялось далеко не на всех (кривые оценок текущего состояния дел в стране и динамики семейных доходов не соответствовали такому радужному консенсусу) и явно носило крайне неравномерный характер. Но фактом остается именно снижение тревожности и негативных ожиданий в ближайшем будущем (см. табл. 7). После кризиса 1998 г. (пика негативных оценок) идет устойчивое снижение страхов, хотя и роста позитивных установок тоже не отмечается: доля ответов «Самые тяжелые времена уже позади», поднявшись с 6 до 23% в 2001 г., затем снижается и держится длительное время на уровне 17–18%, затем, после осени 2008 г., опять поднимается до тех же 23% в 2010 г., когда у некоторых групп опрошенных восстанавливаются надежды на скорое окончание кризиса или, по крайней мере, его замораживание.

¹ О причинах этого благополучия уже приходилось говорить в других статьях. Сам по себе Путин не имеет отношения к этому процветанию, однако для нас здесь важно, что именно с ним связываются эти годы, что именно ему, а не кому-либо другому приписываются достижения благополучия. – См.: Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. 2009. № 3. С. 6–21.

Принцип надежды¹, описанный нами, может работать только на фоне хронического чувства поражения или невозможности действия. Хотя тревожность и страх перед будущим заметно снизились на протяжении десяти лет путинской «стабильности» (см. табл. 7), но они никуда не пропали, более того – они оказываются структурирующим фактором восприятия (организации) времени и отношения респон-

неконтролируемого самим индивидом времени задана событиями нескольких уровней: символическим (эпохальные события коллективной истории, общего прошлого, объяснения происхождения общих «нас»), историческим (обозримым временем жизни одного, двух или трех поколений, как «советское время») или практическим (более мелким членением этой жизни – по периодам правления или изменения режимов

Таблица 7

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ СЕЙЧАС САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА, ИЛИ ОНИ УЖЕ ПОЗАДИ, ИЛИ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ? (в % от числа опрошенных)

Год, месяц опроса	Переживаем их сейчас	Они уже позади	Они еще впереди	Не знают, затруднились ответить
1991, ноябрь	16	0	80	4
1992, январь	21	1	73	5
1993, февраль	24	3	56	17
1994, февраль	23	5	55	18
1995, декабрь	19	5	50	26
1996, ноябрь	22	6	52	20
1997, январь	24	6	52	18
1998, сентябрь	27	6	58	9
2001, май	25	23	42	10
2008, ноябрь	25	18	45	12
2009, сентябрь	39	17	33	11
2010, март	39	23	27	11

N=1600.

дентов к себе и собственной жизни. Иначе говоря, реальное, а не чаемое «большое» время (надивидуальное) задается ожиданием всякого рода неприятностей, деприваций и пакостей, исходящих от властей, которые могут лишить человека чего-то ему положенного, не предоставляя взамен каких-либо благ или преимуществ. Соответственно, структура «большого»,

власти: от 5–8 лет, как у Горбачева и Ельцина, до 18–20 лет, как при Брежнев и его быстро умирающих преемниках, и более, как при Сталине). Контекст определения эпохи строится путем сопоставления с другими «временами».

По отношению к двум третям XX в. у основной массы населения (от 64 до 50%) нет критериев, которые могли бы служить системой

Таблица 8

С КАКОЙ ОЦЕНКОЙ ВРЕМЕНИ ВЫ СКОРЕЕ БЫ СОГЛАСИЛИСЬ? (в % от числа опрошенных)

Время...	Больше хорошего, чем плохого	Больше плохого, чем хорошего	Баланс оценок (+/-)	Ничего особенного	Затруднились ответить	Сумма «ничего особенного» и «затруднились ответить»
Николая II революции	21	15	+6	17	47	64
Сталина	17	43	-26	8	32	40
Хрущева	25	44	-19	6	25	31
Брежнева	35	18	+17	26	21	47
Горбачева	12	54	-42	18	17	35
Ельцина	11	58	-47	17	14	31
Путина	76	5	+71	9	10	19

¹ «Психологический» соблазн надежды не следует путать с институционально обоснованным (и оправданным – этически, философски или исторически) оптимизмом.

координат или опорными ориентирами, смысловыми основаниями для понимания истории

и общего течения времени. Даже по отношению к не столь уж давнему брежневскому застою 47% опрошенных практически ничего не могут сказать. По мере приближения к актуальному времени все более положительно оцениваются периоды идеализируемой «стабильности» — предреволюционного периода интенсивной модернизации, хрущевских реформ и попыток десталинизации, в еще большей степени — брежневского времени. Но максимум позитивных оценок респондентов приходится на десятилетие путинского благополучия (76%). Отрицательно оцениваются все эпохи нестабильности (и чем ближе ко времени жизни оценивающего, тем резче негативное выражение). А это значит, что массовые оценки истории основаны не на государственнической легенде величия державы и героизма подданных, а на интересах повседневной жизни обывателя. Поэтому на фоне террора сталинского правления, метаний Хрущева и его попыток «коммунизировать» быт и придушить крестьянское или малгородское ЛПХ, брежневский застой оставляет в памяти населения поразительно мало дурного — всего 18% считают, что в это время плохого было больше, чем хорошего. Вытеснено из памяти состояние хронического дефицита продуктов и товаров, невозможность получения жилья и прочие прелести развитого социализма, приведшие к массовому недовольству и волне энтузиазма во время перестройки. Ничего из этого в памяти не удержалось. Частично это может объясняться тогдашним характером закрытости общества и суженной системой координат советского времени, последующим резким изменением и расширением системы оценок качества жизни, появлением новых запросов и требований к тем, от кого «зависит жизнь» обычных людей, но лишь частично.

Иначе говоря, оценки исторических периодов производятся на основе соединения критериев повседневных интересов и представлений о степени соответствия того или иного правителя образу «справедливого государя», государственно-патерналистским шаблонам. Позитивно оцениваются эпохи *рутинизации перемен*, к «героическим» или драматическим эпохам перемен (революции, Сталина, Горбачева, Ельцина) отношение явно хуже, и тем хуже, чем ближе оно к актуальному времени.

Речь не идет о рациональных расчетах или прагматических соображениях в оценке тех или иных периодов истории. Высокий уровень согласия и позитивных оценок периода правления Путина не предполагает критического ана-

лиза его деятельности или разбора и понимания стратегии его правительства. Речь идет именно о символических компонентах конструкции реальности, куда вписывается образ Путина как «добротного правителя».

У 86% опрошенных нет представлений о том, куда движется страна, или они очень смутные и туманные (декабрь 2009 г.). Верят правительству («У него есть программа выхода из кризиса») всего 30%, а 70% полагают, что у правительства нет ясного представления относительно того, что оно может или должно делать в ситуации настоящего кризиса. Соответственно, у респондентов очень велика неопределенность в вопросах о том, справится ли оно с кризисом или нет: 31% полагает, что справится, 45% — «Может быть, да, а может, и нет», 24% опрошенных настроены пессимистически и не верят в дееспособность руководства страны.

Приводимая композиция мнений говорит лишь о том, что конструкция и определения реальности, включающие в качестве одного из компонентов «принцип надежды», более устойчивы и значимы, нежели актуальные оценки действий властей. Или по-другому: функциональное значение властей в качестве фактора устройства реальности более важно, нежели способности конкретных начальников эффективно решать текущие задачи.

Сознание невозможности повлиять на принятие политических решений («невозможность» действия, участия, неверие в изменение коллективных условий существования, а вместе с тем отказ от ответственности за происходящее во всех сферах, кроме семьи) детерминировано как принудительным, внешним, не зависящим от индивида характером скорее нежелательных изменений¹, так и чувством проигравших, несоответствием завышенных или необоснованных ожиданий от будущего, рождающих зависть и подавленную агрессию (см. табл. 5 и 6).

Поэтому «успешность» жизни (фундаментальная разметка жизненных циклов и временные ориентации на смысловые значения тех или иных периодов или фаз) определяется кругом рутинных или традиционных отношений и репродуктивных проблем — создания семьи и воспитания детей, которые не требуют специфического знания или специальных

¹ «В исторической перспективе перестройка принесла больше плохого», — полагают 52% опрошенных, «больше хорошего» — 22%; 26% затруднились ответить (июльский опрос 2008 г.). О вынужденном характере социальных и политических изменений в России см.: Левада Ю. 1988–1998: десятилетие вынужденных поворотов // *Он же*. От мнений к пониманию. М., МШПИ, 2000. С. 158–174.

умений, предполагаемых современным обществом и образованием (как утверждал Чацкий, «чтоб иметь детей, кому ума не доставало!»). Индивидуалистические планы и устремления (профессия, карьера, самоусовершенствование, физкультура), равно и общественная деятельность, т. е. более сложные формы мотивации и социальных взаимодействий, пусть даже в декларативном виде, характерны лишь для ограниченного числа респондентов, примерно для 10–12%. При этом уровень удовлетворенности сложившимися гемайншафтными отношениями в общем и целом в 1,5 раза выше, чем действиями в тех областях, где ставились более индивидуалистические цели и задачи: скажем, добиться «профессионального мастерства», успехов в учебе или заняться «самовоспитанием».

Единственная из списка ценностей, обозначенных «желаемыми достижениями», которая безусловно значима для самого большого числа опрошенных (30%), – это благосостояние, финансовое благополучие. Данная позиция выбрана количеством респондентов, которое намного превосходит число тех, кто отмечал инструментальные пути и средства реализации подобной задачи или достижение подобных целей.

Нереализованные ожидания усиливаются с возрастом. Причем, если у тех, кто только начинал входить во взрослую жизнь в годы перестройки, разочарования незначительны, то у более пожилых людей, т. е. у тех, у кого собственно эти надежды и возникали во время перестройки и были связаны с реформами, оно почти в 1,5–2 раза превышает чувство удовлетворения. Время жизни этих людей («исполнение желаний» в последнее двадцатилетие) окрашено преимущественно негативно, в отличие от восприятия происходящего у более молодых групп. Причем именно в десятилетие «стабильности» и роста благополучия эти настроения разочарования и неудовлетворенности лишь усиливаются. Понятно, что удельный вес подобных негативных представлений ниже в тех слоях и группах, у которых социальные ресурсы больше и кто большего добился в нынешней жизни или обоснованно надеется добиться чего-то хорошего в жизни в силу молодости и больших шансов, которые предоставляет им та среда, в которой они живут (молодые, образованные, жители столиц и крупных городов в отличие от пожилых, малообразованных, сельских или малгородских жителей).

Таблица 9

НАЗОВИТЕ ВСЕ ОБЛАСТИ ЖИЗНИ, В КОТОРЫХ ВЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДОСТИГЛИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСПЕХОВ. НА ДОСТИЖЕНИЕ УСПЕХОВ В КАКИХ ИЗ ЭТИХ ОБЛАСТЕЙ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ СОСРЕДОТОЧИТЬ СВОИ УСИЛИЯ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (ответы ранжированы по левой колонке)

Вариант ответа	Достигли	Собираются достичь
Рождение детей	36	8
Воспитание, образование своих детей или внуков	36	24
Создание или укрепление семьи	35	12
Профессиональное мастерство	21	12
Духовное самосовершенствование (самовоспитание, понимание смысла жизни, других людей и др.)	20	11
Улучшение своего характера, формирование своего стиля поведения	17	8
Физическое развитие, укрепление здоровья	14	19
Учеба	12	7
Досуг, туризм, отдых, развлечения	10	8
Собственное благосостояние и благосостояние семьи, приобретение недвижимости, дорогих вещей, финансовое благополучие	9	30
Профессиональная карьера	8	11
Творческая деятельность (любительская), хобби, садоводство	7	5
Предпринимательская деятельность	3	4
Общественная деятельность	>3	1
Политическая деятельность	>1	>1
Ни в одной области жизни	10	8
Затруднились ответить	6	11

Сентябрь 2002, N=1600.

В Москве доля тех, кто считает, что жизнь оказалось лучше, чем они рассчитывали 10 лет назад, в 8 раз выше, чем удельный вес москвичей в населении страны в целом: 43 и 7% соответственно. Но здесь и поляризация противоположных оценок выражена гораздо сильнее, чем, скажем, у сельчан: 43 и 27% в Москве и 33 и 37% в селе; у людей с высшим и низшим образованием аналогичные показатели составляют 41:28% и 33:35%. Свое нынешнее положение оценивают как «лучшее» (по сравнению с тем, что ждали в годы перестройки или в 1990-е гг.), главным образом, представители директорского корпуса, высокие чиновники и предприниматели (удельный вес положительных ожида-

ний превышает отрицательные в 2,5-3 раза для руководителей и в 1,5 раза для предпринимателей; обратное соотношение отмечается у пенсионеров, низкоквалифицированных рабочих). Интенсивность недовольства растет по мере снижения уровня урбанизированности и образования, а также — по мере старения населения. (см. табл. 10 а–в). Там, где ничего не произошло в смысле реформ (если не считать то, что старая система распадалась, а новая не возникала, следовательно, у людей из этих категорий населения не появилось новых ресурсов на вступление в новые отношения), там остается хроническая депрессия и надежда на экстраординарные обстоятельства изменения ситуации.

Таблица 10

В СРАВНЕНИИ С ТЕМ, ЧТО ВЫ ОЖИДАЛИ В КОНЦЕ 1990 – НАЧАЛЕ 2000-Х, ВАША ЖИЗНЬ СТАЛА... (в % от числа опрошенных соответствующей социально-демографической или социокультурной группы)

а)

Возрастные группы (годы рождения)	Лучше	Такая же, как ожидали	Хуже	Был(а) ребенком, не помню, не знаю	Затруднились ответить	Разница между «+» и «-»
16–24 [1984–1992]	31	11	14	61	14	+17
25–34 [1974–1983]	41	15	16	46	7	+25
35–44 [1964–1973]	38	15	39	–	13	–1
45–54 [1974–1963]	39	16	40	–	5	–1
55–64 [1954–1943]	32	19	43	–	4	–11
65 и старше [1920–1943]	26	15	49	–	10	–23

б)

Профессиональный статус	Лучше	Такая же, как ожидали	Хуже	Был(а) ребенком	Затруднились ответить	Разница между «+» и «-»
Предприниматель	39	23	23	2	13	16
Руководитель	49	25	19	4	3	30
Специалист	39	15	33	4	9	6
Служащий	38	19	30	6	7	8
Квалиф. рабочий	39	14	32	6	10	7
Неквал. рабочий	26	16	38	6	14	–12
Безработный	39	11	40	5	5	–1
Учащийся, студент	26	7	10	39	17	+16
Пенсионер	27	15	47	0	11	–20
Домохозяйка	44	13	22	10	11	22

в)

Потребительский статус семьи	Лучше	Такая же, как ожидали	Хуже	Был(а) ребенком	Затруднились ответить	Разница между «+» и «-»
Можем позволить себе многое	63	18	5	0	14	58
Можем позволить ТДП	42	17	20	9	13	22
Денег хватает на продукты и одежду	37	16	31	9	8	6
Денег хватает только на продукты	27	13	44	5	11	–17
Денег не хватает даже на продукты	21	9	67	2	11	–61

Интенсивность недовольства настоящим растет по мере снижения уровня урбанизации и образования, а также по мере старения населения. Т. е. там, где ничего не произошло, реформы не изменили прежней системы отношений или она распалась, а новой не возникало, либо у этих групп оказалось недостаточно ресурсов для установления новых отношений (а скорее всего, по совокупности этих обстоятельств), там доминируют разочарование и пессимизм в отношении будущего, или, еще точнее, там нет представлений о будущем, нет времени, а есть лишь монотонное повторение настоящего, рутинное «и т. д.».

Недовольство настоящим оборачивается ностальгией по прошлому, жалобами на то, что нельзя повернуть назад, заклинаниями о том, что лучше бы все оставалось таким, каким оно было в годы застоя, сожалениями, что события пошли тем путем, каким они развивались начиная с 1985 г. Главные причины желаний, чтобы все оставалось «как было», сводятся к следующему (их пять, на них приходится почти 9/10 всех ответов, т. е. каждый респондент называл в среднем по 3 ответа): «исчезла уверенность в завтрашнем дне» (об этом заявили 20% опрошенных, причем среди пенсионеров такой вариант ответа дали 29%, среди квалифицированных рабочих — 22%, в то время как среди учащихся — лишь 4%, а среди предпринимателей — 11%), сегодня нет того, что было при социализме — «низких и стабильных цен на основные товары и продукты» (19%; действует проективный механизм оценивания: «если бы с нынешними доходами да к тогдашним ценам!»), нет той «сильной и единой страны» (16%), «нет прежнего порядка в стране» (15%, среди пенсионеров — 24%, среди безработных — 25%, среди руководителей — 9%) и «отношения между людьми стали хуже, чем были» (15%, среди пенсионеров — 26%). Бедные и нуждающиеся в 2-4 раза чаще ностальгируют по прежним временам, чем обеспеченные группы населения.

Главное, что в итоге ушло, по мнению значительной части опрошенных, — это «предсказуемость» жизни, «порядок», но именно этого, как и «финансового благополучия, денег, богатства», больше всего жаждет преобладающая часть российского населения. Уровень коллективных событий никак не контролируется отдельным человеком, а потому оказывается сферой различного рода мифов, проекций, предрассудков, иллюзий и упований. Здесь никакие рационализация и коллективная солидарность взаимодействия, общих акций и

планируемых целей невозможны. Но они и не предполагаются теми, кто хотел бы возвращения советских времен (их в целом чуть больше трети — 34%, однако среди людей старше 65 лет больше половины — 55%, малообразованных — 40%, деревенских жителей — 39%, безработных — 41%, тех, кому денег не хватает на покупку одежды или продукты питания — 45 и 54%).

Напротив, те, кто не хотел бы возвращения в недавнее, доперестроечное прошлое (а их почти половина — 46%), подчеркивают вечный дефицит советского времени (28%), невозможность заработать и занять достойное место в обществе в соответствии со своим трудом и усилиями (19%), постсоветскую свободу от культурного и информационного диктата, прекращение изоляции страны (16%) и постоянного давления государства на интеллектуальную и частную жизнь граждан. Но чаще претензии к советской власти выдвигают именно те группы, которые сегодня располагают большими социальными и культурными ресурсами (образованием, профессиональной квалификацией, высоким социальным статусом, доступом к информационному многообразию, молодостью, преимуществами жизни в центрах социальной жизни, мобильностью, иностранными языками), позволяющими им существовать относительно более независимо от власти и ее бюрократического порядка оценки достижений. Эти люди устали от дефицита как иерархического принципа распределения социальных возможностей действия, их угнетает само существование в условиях репрессивного и дефицитарного общества.

Декларативная ностальгия оказывается условием критики настоящего положения вещей и обращена к политике нынешних властей, но она не предполагает изменение настоящего и не направлена на него. В этом плане ностальгия (как и необоснованные «надежды») оказывается одним из модальных компонентов определения настоящего времени, его ретроориентированной конструкции, а не самостоятельным вектором времени, не традиционализмом.

Российское общество в целом согласно в том, что «произошли большие изменения со времен перестройки» (так считают 71%). Однако даже это абсолютное большинство не настаивают, что речь идет о радикальной смене системы. Особо впечатлившие людей в России изменения примерно за десять лет (1994—2003 гг.) были: обнищание, угроза безработицы и появление богатых людей, рост коррупции и проявления безвластия, ослабление единства

страны, свобода высказываться и пользоваться информацией. Самыми важными из изменений оказываются негативные явления: падение уровня жизни на фоне исчезновения дефицита (на протяжении 1994–2009 гг. эту позицию отмечали 81–86% опрошенных, т. е. фактически «все»), «ослабление России» (73–77%), «безработица и страх потерять работу» (76%), «рост анархии, коррупции, произвола» (67–76%). В этом ряду единственным позитивным исключением оказывается «исчезновение дефицита» и появление товарного изобилия (75–79%). То, что это оказывается не переменным условием свободы – политические и экономические права, неприкосновенность частной жизни, усиление мобильности, разнообразие потребления и т. п., – признается существенным, но не столь уж важным и поражающим воображение обстоятельством. Перспектива стать собственником или завести собственный бизнес привлекала далеко не всех (после первого периода воодушевления), и ими часто становились вынужденным образом, в силу обстоятельств, а не потому, что людей притягивали возможности риска, самостоятельности, обогащения и т. п.

Политические и религиозные свободы, а также «возможность жить, не обращая внимания на власти», «выезд за границу», перспектива «открыть свой бизнес» и т. п. ценятся самыми обеспеченными респондентами, занимающими высокие статусные позиции, принадлежащими к высокодоходным группам (в двух верхних доходных группах высокую оценку этому дают уже 65–70%, хотя и в нижних группах, где «денег не хватает на питание», доля таких ответов достигает 59%). Выше, чем в среднем, эти свободы ценятся среди студентов, специалистов, предпринимателей и тому подобных социальных категорий населения, которые могли бы стать при благоприятных условиях «средним классом» или «протоэлитой», но вряд ли станут.

Собственно идеологические обстоятельства – «крах и исчезновение коммунистической идеологии» – волнуют людей куда меньше: их отмечают среди важных изменений лишь 36%. А это значит, что роль культурных и идеологических ресурсов в конституции времени невелика, по крайней мере, подобные факторы характеризуются низкой интенсивностью значения. В результате в обществе нет специфических различий в представлениях о «национальном будущем» страны, о том, какая система будет доминировать через некоторое обозримое время: мнения разделились практически по

третьим, что при высокой доле затруднившихся с ответом (25%) свидетельствует о слабой значимости всего поля возможных взглядов. Люди легко включают свое воображение, если речь идет о привычных силовых акциях российских властей и использовании военной силы против соседей или мятежных провинций внутри России, как это происходит на Кавказе или было в конце советской власти в Прибалтике, Азербайджане или в Грузии. Им несколько труднее представить себе ситуации массовых, т. е. масштабных, кровопролитных, столкновений и погромов на национальной почве или подавление массовых волнений, бунтов, социальных взрывов протеста, но это все же возможно, поскольку укладывается в привычную логику поведения государства и есть сравнительно недавние примеры подобной политики¹.

То, что не хочет видеть массовое сознание, что противоречит иллюзиям и логике политических установок в отношении власти значительной части населения, особенно бедной провинции, заключается в отказе от признания вероятности усиления авторитарного режима, усиления политических преследований или возврата к советской дефицитарно-распределительной (в пределе – карточной) системе (см. табл. 11). Еще менее вероятным представляется общественному мнению военный переворот или гражданская война (и то и другое, впрочем, представлялось столь же маловероятным и в 1990–1993 гг., когда имели место и путч, и первые признаки гражданской войны, правда, быстро подавленной). Такое соотношение мнений свидетельствует не столько о прочности режима, сколько о нерационализированности проблематики будущего, отсутствии средств рефлексии подобной тематики или просто о нежелании ее обсуждать.

Следовательно, массовые представления о ближайшем (в диапазоне нескольких лет) будущем времени являются проекциями возможностей рутинного существования индивида и не выходят за рамки повседневных интересов. Такой вывод не отменяет, а, напротив, предполагает анализ и понимание символического значения власти как важнейшего элемента конструкции реальности, в том числе и исторического ее измерения. Но об этом ниже.

¹ Данный опрос проходил до российско-грузинской войны; примерами погромов могут служить события в Кондопоге или в Ставропольском крае, сравнительно многочисленные столкновения населения с ОМОном были в Междуреченске, а перед этим – во Владивостоке.

Таблица 11

МОГУТ ЛИ ПРОИЗОЙТИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ В РОССИИ СЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ: (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Могут	Не могут	Затруднились ответить
Военные конфликты с другими республиками бывшего СССР	43	39	18
Погромы, массовые кровопролитные столкновения на национальной почве	39	49	12
Социальный взрыв, массовые волнения	37	50	13
Установление культа личности главы государства	27	56	17
Усиление политических преследований (оппозиции, инакомыслящих)	23	54	23
Появление дефицита, возврат к карточной системе	18	72	10
Военный переворот представителей силовых структур	16	64	20
Гражданская война	15	68	17

2008, N=1500.

Институциональные рамки и механизмы деформации прошлого: вытеснение истории. Как уже говорилось, диапазон массовой памяти (событийная история) в России сильнейшим образом деформирован с точки зрения общепринятых интеллигентских представлений о значимых и незначимых моментах происходящего, важном и неважном, норм хроникального, линейного (равномерного) времени. Общественное мнение уделяет равное внимание тому, что, с точки зрения «культурного человека», носителя «высокой культуры», не может быть рядоположенным и равнозначным, даже если эти события называются в качестве важных и значительных примерно равное число опрошенных. Совмещение массовых и элитных рамок «значительности» невозможно или явно абсурдно, но эта «абсурдность» означает лишь одно: неадекватность критериев оценки наблюдателя (исследователя, критика и т. п.) и обывателя, спокойно называющего победу в футбольном чемпионате или смерть эстрадной дивы и, например, принятие новой конституции. Данные многолетних опросов, в том числе по проблемам «памяти», показывают, что, во-первых, недавние события обычно представляются более важными и значительными, чем большая часть отдаленных хотя бы на несколько лет. Во-вторых, массовое сознание не удерживает в своей «операциональной памяти» события, относящиеся к длительности более пяти лет, если только они не закреплены специальным образом в системе институциональной репродукции — институтах образования, пропаганды, общественных ритуалах и т. п. (см. табл. 12 и 13).

Таблица 12

НАЗОВИТЕ 5-6 СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОПРЕДЕЛИЛИ ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1992	1994
Октябрьская революция	36	24
Отечественная война	25	25
Перестройка, реформы Горбачева	15	9
Вторая мировая война	13	—
Августовский путч 1991 г.	9	2
Освоение космоса	8	6
Первая мировая война	6	4
Распад СССР	5	3
Открытие Америки	5	3
Создание и испытание атомной бомбы, Хиросима	4	3
Возникновение христианства	3	1
Великая французская революция	3	2
Открытие атома, ядерной энергии, деления ядра	3	2
Война 1812 г.	3	2
Татаро-монгольское иго	2	1
Правление Петра I	2	2
Крещение Руси	1	1
Расцвет античной цивилизации, Греция, Рим	1	0
Гражданская война в России	2	1
Сталинские времена, культ личности Сталина	2	1
Конец холодной войны, разоружение	1	0
Чернобыль	1	1
Создание/появление человека	1	1
Октябрьский путч 1993 г.	—	1
Затрудняюсь ответить/нет ответа	42	57

Из более чем 80 названных в 1992–1994 гг. событий (открытый вопрос), лишь 8–10 набрали 3% и более упоминаний. Это означает, что рамки слоя держателей культуры и пассивного истори-

ческого знания не превышают 2–3% населения. Но, сравнивая эти данные с данными последующих опросов (закрытые вопросы), мы видим, что, несмотря на различие формулировок и методики опроса, в целом событийная структура, получаемая в ходе опросов, не меняется. Доминирует школьная иерархия событий (в открытом вопросе даже сильнее, чем в позднейших).

Таблица 13

XX ВЕК БОГАТ СОБЫТИЯМИ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ. ОТНОСИТЬСЯ К НИМ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ. КАКИЕ ИЗ НИХ ВЫ НАЗВАЛИ БЫ САМЫМИ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ?
(закрытый вопрос; дайте не более пяти ответов; в % от числа опрошенных; ранжировано по левому столбцу)

Вариант ответа	1999	2003	2008
Победа в Великой Отечественной войне	85	78	83
Полет Гагарина	54	51	55
Октябрь 1917-го	49	40	40
Распад СССР	47	42	42
Чернобыльская катастрофа	32	35	31
Война в Чечне	24	31	8
Война в Афганистане	21	23	14
Первая мировая война	18	14	17
Августовский кризис 1998 г.	18	8	6
Перестройка	16	21	21
Смерть Сталина	14	13	12
Репрессии 30-х гг. / массовые репрессии 30-х гг., голод 30-х, 40-х гг.	11	17	11
Путч 1991 г.	6	7	5
Коллективизация	6	6	5
Создание социалистического лагеря в Европе	5	3	3
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря	5	3	5
XX съезд партии / доклад Хрущева на XX съезде партии	4	4	3
Снятие Хрущева, конец «оттепели», подавление Пражской весны	-	-	2
События октября 1993-го г.	3	4	-
Реформы Гайдара	2	4	2
Первые многопартийные выборы в декабре 1993-го	1	2	1
Избрание президентом В. Путина	-	11	23
Гражданская война	-	-	14
Индустриализация 30-х гг.	-	-	8
Превращение страны при Хрущеве и Брежнев в супердержаву	-	-	6
Становление суверенной России	-	-	6
Вторая чеченская война	-	-	4
Затрудняюсь ответить	3	3	3
Число опрошенных:	2000	2004	1508

Большинство людей не помнят уже того, что происходило не только 3–5 лет назад или о чем тогда писала пресса (событие теряет точность временной системы координат, «плывет», воспринимается в колеблющемся диапазоне 2–3 лет), но иногда и год-два назад. Разметка времени поэтому производится «сильными средствами»: фактом смерти, катастрофы, коллективных угроз или потрясений (в диапазоне социального порядка) или каких-то особо важных перспектив, открывающихся с появлением «героя» (политика, публичного демагога или фигуры, репрезентирующей ценностные или символические достояния всего целого). Можно выделить следующую разметку социального времени, соизмеримого с периодами человеческой жизни и ее членения, ее фаз и символических определений:

– сфера актуальной длительности (длящегося настоящего); условно: это 8–10 лет в зависимости от качества и смысла событий, от смены социальных ролей или позиций;

– совсем недавно прошедшее (то, что еще в какой-то степени сохраняется в памяти современников как общее пережитое, т. е. общий символический фонд событий, интегрирующий возрастные группы: 10–15 лет); это то, к чему апеллируют «современники»;

– недавно прошедшее (предыстория): 20–25 лет – длительность поколенческих шагов и изменений, структурированное как то, о чем рассказывают старшие как о своем непосредственном опыте;

– прошедшее, ставшее «недавней (еще свежей) историей»: 25–40 лет, уже в большинстве случаев исключающее возможности прямого свидетельства пережитого, т. е. непосредственной передачи пережитого; такая «цепь» ретрансляции свидетельств предполагает подключение иных каналов и механизмов репродукции (публикации документов, их критики и анализа, публичных оценок и обсуждений и т. п.), только таким образом включаются возрастные циклы, закрепляющие некоторые подвиги, ценностные сдвиги в оптике истории;

– новейшая история (40–60 лет), которая должна иметь свои особые основания для передачи всего целого – формальные институты, а соответственно, дифференциацию ролей внутри этих институтов (разделение на исследователей, преподавателей, комментаторов, идеологов и проч.);

– история века (вне поколенческих циклов).

Проблема времени, таким образом, заключается в том, что на каждой фазе передачи «опыта» (свидетельств, оценок, интерпретаций) происходит смена символических доминант и средств или характера социального взаимодействия по поводу событий прошлого, идет структурно-функциональная дифференциация (умножаются и разделяются социальные роли акторов, имеющих дело с «историческим материалом»), переинтерпретация материала, его переложение и «переупаковывание», фильтрация деталей, селекция, поиски аналогий и генерализаций, вписывание в ту или иную систему понятий и оценок. Другими словами, работа по сохранению событийного материала предполагает включение его в более общие системы значений, которыми оперируют репродуктивные или идеологические социальные институты.

Прежде чем обратиться к конкретному разбору состава и структуры исторических представлений, еще раз напомним, что «большое время» (линейное время и его разновидности, обусловленные вектором времени и институциональной принадлежностью времени) как особенность массового сознания начали складываться в СССР очень поздно, примерно в середине или во второй половине 1960-х гг. К этому моменту имело место совпадение («историческая» констелляция обстоятельств) нескольких силовых линий:

а) поколение «фронтовиков» (рождения 1902–1926 гг.) начало постепенно сходить с общественной сцены, терять свои социальные позиции и влияние, однако его социальный опыт — опыт формирования нового тоталитарного, мобилизационного и абсолютно несвободного, общества, затем — тотальной войны, необходимость оправдания неизмеримых жертв, был символически передан следующему поколению, при этом передача носила не прямой характер, а опосредованный, отраженный в проблематике хрущевской «оттепели», возможности изменений тоталитарного социума;

б) массовое образование, в том числе начало обязательного преподавания в средней школе таких предметов, как история и т. п.;

в) урбанизация, продолжение формирования индустриального общества, появление как государственных, так и независимых каналов информации, передачи знаний и сведений (ТВ, радио, включая «голоса», самиздат и проч.).

Постепенное оформление исторической легенды шло в русле синтеза «Краткого курса», в котором еще не было идеи и материала национальной истории, с имперской историей,

советско-партийной историей и государственнической идеологией великой державы, триумфа периферийной страны в ходе и результате догоняющей модернизации. Поэтому поколение, начавшее свою сознательную жизнь в 1950–1960-х гг., было первым поколением в России с некоторой «исторической» (употребляя это определение со всеми оговорками и уточнениями) перспективой или ее подобием. Именно поэтому война стала центральным моментом этой истории и осевым событием последовавшей массовой культуры. По сути дела, война стала ключевым моментом перелома проспективной тоталитарной идеологии построения нового общества и нового человека, превращения ее в ретроспективную, национально-консервативную идеологию дряхлеющей империи и переживания травмы ее последовавшего развала, освоения всех обстоятельств этого распада. Тяжесть травмы усугублялась тем, что никакого другого опыта или материала для исторической реабилитации не было: предшествующие катастрофические или травматические события, которые могли бы быть положены в основание национальной истории, — события, вызвавшие и сопровождавшие Первую мировую войну или ее последствия, незавершенные процессы трансформации 1905–1907 гг., поражение в Крымской войне и т. п., были вытеснены из проблемного поля элиты или общественного мнения и фактически забыты. Первая мировая война, которую не выдержала архаическая институциональная система российского государства, закрепились в учебниках истории лишь как прелюдия к большевистскому перевороту и гражданской войне.

Фактически в СССР (советской России) было всего одно поколение, обладавшее ресурсами и условиями для формирования предпосылок или условий возникновения исторического сознания. Крах СССР потянул за собой не только распад советской политической или экономической системы, но и слом начавшейся практики (оболочки) понимания исторических процессов. Поколение, родившееся в последние «застойные» годы и в начале перестройки или вошедшее в жизнь уже после краха СССР, оказалось лишенным механизмов репродукции коллективной памяти и опыта прошлого. Школьное преподавание недавней истории было прервано, поскольку и сами учителя в массе своей оказались дезориентированными или неспособными к связному пониманию событий и соответствующему изложению их ученикам.

Смена властвующих элит не способствовала закреплению какой-то идеологической версии прошлого, что могло компенсироваться только эклектической стилизацией под русско-православный державный фундаментализм.

Сегодняшнее массовое историческое сознание представляет собой множество отдельных сведений и символов, стереотипов, шаблонов истолкования. Фактически это россыпь отдельных событий и интерпретаций, мифов и стереотипов прошлого без какой-либо связной их интерпретации и изложения, поскольку прежняя единая система пропаганды или тоталитарных институтов, навязывающих грамотному населению единство понимания и оценки событий прошлого, распалась или ослабла, а другой, способной ставить такие амбициозные задачи, не возникло. Нет и эффективной системы школьного образования, способной поддерживать и воспроизводить общие ценностные принципы понимания национальной или мировой истории, не требуя от молодежи верности в толковании фактов и процессов. Тем не менее известная структурность в массовых представлениях о прошлом, безусловно, прослеживается в социологических опросах населения. Она заключается, главным образом, в том, что набор исторических событий (структура исторического) представляет собой чередование катастроф и триумфов, воспроизводящее попеременное сочетание установок власти и населения, «низов» общества, неповседневных интересов государства и его институтов и повседневной памяти малых групп. А это значит, что реально сосуществуют (слабо учитываемые друг другом) разные каналы или системы воспроизводства памяти, разные механизмы и выделения значимого. История в том виде, в каком мы обнаруживаем ее следы в стереотипах общественном мнении, направлена на сакрализацию государства, точнее — единственно возможной в нашей стране легитимации власти, исходящей от мифологии «государства». Но об этом ниже. Пока же остановимся на способах выделения событий и их оценке.

Особенности сюжетики и конструкций истории отражают характер общества, его институциональную природу и морфологическую структуру. В нашем случае ценностное поле задано резким расхождением значений великой державы и убожества жизни ее подданных. Иначе говоря, поляризацией значений, составляющих семантику и легитимацию власти, империи, патерналистской поддержки власти со стороны населения и соединяющих мифо-

логический (=героический, вневременной, символический) план мировых процессов, распределения авторитета, престижа, веса различных стран мира и план частной жизни граждан. Как видим из таблицы 14, иерархия ценностей, определяющих чувство гордости у россиян, задана значениями достигнутого в 1950–1960-х гг. статуса супердержавы, рассматривавшегося как венец процессов модернизации (построение мощной империи, одержавшей целый ряд триумфальных побед, обладающей развитой в прошлом государственной культурой, наукой, которые обеспечивают ее ореолом самой передовой и развитой страны). Параметры согласия относительно этих символов весьма значительны. Значимость победы в ВОВ (центрального ядра значений) подтверждается для абсолютного большинства в 86–89%, но «Победу» дополняют и расшифровывают другие знаковые шаблоны мнений, образующих устойчивый и значимый консенсус в 33–37% (космос, литература, быстрая индустриализация страны после революции, особые человеческие качества подданных). Религиозные, коммунистические и интеллигентские ценности не так значимы, поскольку они явно окрашены групповыми пристрастиями и предпочтениями.

Первое, что поражает в этих данных, это устойчивость распределения значений: между первым и последним замером прошло 20 лет, т. е. время целого поколения, опрашивались каждый раз разные люди, и, тем не менее, ранг всех позиций остался без изменения¹. Другими словами, репродуктивные механизмы действуют независимо от пертурбаций двух последних десятилетий.

Важно подчеркнуть, что «гордость» и «стыд» — это не две отдельные плоскости оценки реальности, а две стороны одной и той же конструкции символической системы, набора ценностей, стандартов восприятия себя и общества. То, что определяет «гордость», заставляет и «стыдиться», только гордость относится к символам коллективного существования, а стыд — к значениям частного существования членов тех

¹ Все колебания незначительны, непринципиальны, не меняют смысла распределения ответов, поскольку лежат в пределах точности измерения. Единственное исключение на вопрос о «гордости» — снижение позиции «моральные качества русского человека»: — 9 пп.; на вопрос о «стыде» ранги остались теми же, но значения некоторых ответов также несущественно снизились: «великий народ живет в бедности» — на 9 пп., «хроническое отставание от Запада» — 10 пп., «косность, лень, инертность» — на 7 пп.; напротив, выросла доля ответов «гонения на церковь»: +9 пп.). Все это говорит о том, что институциональные и культурные факторы, определяющие ответы массы людей, сохраняют всю силу своего влияния.

Таблица 14

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО ГОРДОСТИ? (в % от числа опрошенных; ранжировано по 1989 г.)

Вариант ответа	1999	2003	2008
Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	86	87	89
Ведущая роль страны в освоении космоса	60	59	61
Достижения российской науки	52	51	46
Великая русская литература	46	48	49
Моральные качества русского человека – простота, терпение, стойкость	45	44	35
Слава русского оружия	35	35	36
Великие русские путешественники, первопроходцы	33	33	27
Преобразование страны после революции в одну из ведущих промышленных держав в мире	42	32	37
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	22	25	21
Подвижничество русских святых	10	14	14
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	14	14
Передовой строй, советское бесклассовое общество	14	13	9
Нравственный авторитет русской интеллигенции	12	11	11
Перестройка, начало рыночных реформ	2	8	7
Стабилизация положения страны при Путине	-	-	33
Ничто не вызывает у меня особой гордости	2	2	1
Затрудняюсь ответить	3	2	2

Таблица 15

А ЧЕГО ВЫ СТЫДИТЕСЬ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО СТЫДА И ОГОРЧЕНИЯ, КОГДА ВЫ ОБРАЩАЕТЕСЬ К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ? (в % от числа опрошенных; ранжировано по 1989 г.)

Вариант ответа	1999	2003	2008
Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности	79	78	69
Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу	45	52	49
Разрушение СССР	48	41	37
Репрессии, террор, выселение народов в 20-50-е годы	34	39	35
Наша косность, инертность, лень	24	34	27
Хроническое отставание от Запада	31	32	22
Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду	17	23	19
Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть	28	20	20
Гонения на церковь	21	18	27
Военные поражения России	16	16	11
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	15	9	8
Национальное высокомерие	7	5	7
Ничто не вызывает у меня особого стыда	1	2	3
Затрудняюсь ответить	5	3	5

же коллективов, людей, служащих сырьевым ресурсом для специфической структуры власти в этих сообществах. Другими словами, гордость и стыд – это единый комплекс представлений и самоидентичности посттоталитарного социума, одно не может быть выражено без другого. Нюансы акцентировки у тех или иных категорий опрошенных лишь подкрепляют эту мысль.

Анализ социально-демографических характеристик «гордящихся» позволяет сделать

вывод, что в большей степени гордятся своей страной и ее историей периферийные группы, нуждающиеся в «декомпрессии» или «в компенсации» сознания своей неполноценности, а потому воспроизводящие прежние представления о державном величии, группы с ограниченными ресурсами – либо пожилые и образованные люди, преувеличивающие значимость своей роли «старожилов и хранителей «памяти», испытывающие сильнейший дискомфорт

и напряжения коллективной идентичности после развала СССР. Напротив, молодежь, сохраняя по сути ту же структуру демонстративного почитания предметов национальной гордости, гораздо сильнее идентифицирует себя с правлением Путина, с его примитивной и агрессивной манерой поведения районного «кума», ставшего, однако, более лошеным и мстительным, что, собственно, и позволило ему быть персо-

нификацией подавленных комплексов провинциальных подростков-троечников и образцом мужского («мачо») для большей части российских женщин.

Интенсивность (частота) высказываний о прошлом пожилыми людьми в 1,6 раза выше, чем у молодежи. Но в возрасте после 65 лет объем «памяти» россиян о событиях прошлого резко сокращается. Дело не только в социально-

Таблица 16

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ ГОРДОСТИ У РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ ПОЛЯРНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	16–24	55–64	Разница (молодые/старые)
Победа в ВОВ	82	91	-9
Ведущая роль страны в освоении космоса	55	70	-15
Великая русская литература	49	54	-5
Достижения российской науки	44	54	-10
Стабилизация положения страны при Путине	37	31	+6
Превращение страны в советское время в одну из ведущих промышленных держав мира	29	47	-18
Слава русского оружия	35	43	-8
Моральные качества русского народа	27	47	-20
Русские путешественники	24	25	-1
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы с Востока	21	26	-5
Подвижничество русских святых	11	12	-1
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	13	1
Нравственный авторитет русской интеллигенции	8	16	-8
Передовой строй, советское бесклассовое общество	8	12	-4
Перестройка, начало реформ	9	3	+6
Затруднились ответить	11	1	+11

Таблица 17

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ СТЫДА У РЕСПОНДЕНТОВ ИЗ ПОЛЯРНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст		
	16–24	55–64	Разница (молодые/старые)
Великий народ, а живет в бедности, неустроенности	57	82	-25
Грубость нравов, хамство	41	58	-17
Массовые репрессии	29	39	-10
Наша косность, лень, инертность	24	30	-6
Разрушение СССР	21	56	-35
Гонение на церковь	18	30	-12
Хроническое отставание от Запада	18	29	-11
Ограниченная и некомпетентная власть	13	31	-18
Наследие крепостничества	17	25	-8
Военные поражения России	11	16	-5
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	7	15	-8
Национальное высокомерие	9	10	-1
Ничего не вызывает у меня чувство стыда в нашей истории	8	0	+8
Затруднились ответить	11	1	+10

физиологических особенностях сознания старых людей, утрате интереса ко всему, что не касается непосредственно обстоятельств повседневного существования человека, выпадающего из активной социальной жизни, но и в характере полученных им знаний: эта возрастная группа не проходила в школе такого предмета, как история. Поэтому возьмем для сравнения две крайних возрастных категории, но не самых старших.

Для молодежи «стабилизация» положения страны при Путине, т. е. восстановление репрессивного государства, оказывается более важным обстоятельством, чем «индустриализация и превращение страны в одну из ведущих промышленных держав», статус которой в настоящее время более чем сомнителен, или чем «моральные качества русского народа», которые молодежь вообще не воспринимает как самодостаточные сущности, а лишь в противопоставлении символическим «не-мы» (мифологизированным США, Западу и т. п.). Еще более сильно выражены эти характеристики в предметах национального стыда — здесь заметно выше удельный вес пожилых женщин, пенсионеров, провинциальной интеллигенции или, напротив, низкообразованных и низкостатусных групп.

Структура государственного «исторического сознания»: события. Анализ временных характеристик массового исторического сознания россиян позволяет сделать несколько предварительных выводов, указывающих на специфику институциональных механизмов его воспроизводства. Во-первых, сдвиг всех оценок в сторону недавнего времени, смещение масштабов и значимости событий. Во-вторых, зависимость общественного сознания от СМИ и каналов массовой культуры, размечающих поток актуальных событий в соответствии с приоритетами трэшевой или гламурной культуры, а не с предполагаемой системой коллективных ценностей, образующих основу национальной идентичности. А это означает, что происходящее по-разному препарируется, сортируется и оценивается в сравнении с шаблонами текущей пропаганды и стереотипами школьной истории. Иными словами, механизмов систематической проработки истории в России нет. Последнюю работу может осуществить (если учитывать опыт других стран, где это делается) только сфера публичности, общественности, в которой перманентно соединяются СМИ и ресурсы университетской профессуры, обеспе-

чивающей непрерывную интерпретацию актуальных событий ресурсами интеллектуальной, научной, этической, культурной и социально-политической рефлексии. Несвобода российских СМИ, зависимость их от власти превращает процесс рефлексии над происходящим в процесс забалтывания и забывания, вытеснения важнейших аспектов актуальности и, напротив, удержания самых примитивных и консервативных мифов и стереотипов понимания событий.

Именно поэтому массовое сознание по своему размечает и удерживает то, что было важным и запоминающегося на протяжении сравнительно недолгого времени, в объеме годовой памяти. Как показывают данные регулярных опросов нашего Центра, ведущихся с самого начала его возникновения (конец 1988 г.), структура «запечатления», ценностного отбора, отделения важного от неважного отражает сочетание крайне примитивных и архаических представлений (ужаса и преодоления хаоса) и гламурности. Если проанализировать списки «важнейших событий», которые называли респонденты в ходе ежегодного новогоднего опроса «Итоги года» («Какие из событий уходящего года Вы бы назвали важнейшими?»)¹, то мы получим следующую схему выделения важнейших или памятных событий (годовой цикл; отобраны по пять важнейших событий каждого года, занимающих первые позиции списка):

1 отклонение от нормы, от привычного порядка жизни: **несчастья, катастрофы, стихийные бедствия, война (войны), теракты, массовые беспорядки, мятежи, громкие убийства** — в 19 из 20 списков «важнейших событий года» явления этого рода занимали 1-2 строчки, из 105 упомянутых событий — 50;

2 политические события, означающие **смену или поворот прежнего политического курса** (позитивные — или негативные, что заметно реже, — **ожидания перемен**): назначения, отставки, выборы, съезды, встречи высших лиц, переговоры на высшем уровне и заключение принципиальных соглашений — 30 событий;

3 экономические явления и **решения руководства, затрагивающие повседневную жизнь и интересы большинства населения** — указы о повышении пенсий, введение свободных цен, частной собственности на землю, приватизация, монетизация льгот и т. п., — 18 (при этом соотношение позитивных и негативных событий 1:2, т. е. доминирующая установка населения — ожидание плохого);

¹ Сами списки событий см. в кн.: Общественное мнение 2009: Ежегодник Аналитического центра Юрия Левады. М., 2009. С. 11–17.

4 события, затрагивающие публичный символический мир: **смерть звезд** (актеров, журналистов, писателей, политических и религиозных деятелей) и все чаще (по мере «стабилизации») — **спортивные события** (победы на важнейших состязаниях), а также **юбилеи** — 7 событий. Празднование побед (разного рода) фиксируется, и во все большем объеме, только после прихода к власти Путина и постепенного снижения числа собственно политических событий. Другими словами, вытеснение актуальной политики замещается суррогатными ритуалами государственного величия.

Таким образом, вырисовывается двухтактный механизм соединения и оценки текущих событий, их предварительной «историзации», вписывания в «исторический горизонт» в качестве претендентов на национальную историю или национальный пантеон:

а) ожидание худшего, компенсируемое

б) ритуализацией государственной истории, триумфальной власти, персонифицирующей основные достижения и ценности всего целого, символического коллективного единства. Такая структура свидетельствует об отсутствии идеи и символов будущего, отсутствии институтов, которые могли бы гарантировать частному человеку нормы и правила поведения его самого и его партнеров, обеспечивать устойчивость социального порядка.

Кажущаяся иной структура событий «большой истории» (соотносимая не с годовым циклом происходящего, а со временем нескольких поколений, т. е. связанная с формальными институтами репродукции) в действительности имеет точно такую же двухслойную текстуру: первый ряд наиболее частых ответов (см. табл. 13–17) образуют символические события, определяющие характер коллективной идентичности всего целого; вторые и третьи включают время отдельного поколения, приоритеты социального института или отдельных социальных слоев и групп.

Первый ряд символов: *Победа в ВОВ* (85–83%), *полет Гагарина* 54–55%; *распад СССР* (42% — 2008), *Октябрьская революция 1917 года* (40%) практически не меняется по частоте упоминаний — за 10 лет (с 1999 по 2008 гг.) уменьшается на 9 пп. лишь «Великий Октябрь» и слабеет травма краха советской империи, распад СССР воспринимается более спокойно и привычно (–5 пп.). Все четыре даты фиксируют опорные точки советской истории: моменты национального триумфа, начало и конец тоталитарной системы. Это класс символиче-

ских событий имеет максимально возможный радиус действия, т. е. охватывает практически все население; колебания показателя в разных социально-демографических группах несущественны¹. Все последующие события, хотя и обнаруживают довольно большую устойчивость на протяжении 20 лет, имеют несколько различающийся вес для разных групп, прежде всего возрастных, и охватывают от трети до одной пятой населения:

Второй ряд символов образуется из событий, которые люди «помнят» как то, что происходило в их жизни: Чернобыль (31%), избрание Путина (23%), перестройка (21%), война в Афганистане (14%). Чернобыль, перестройка и Афганистан более значимы для старших возрастов, избрание Путина — для молодых. Но внутри «поколения» колебания значений (в зависимости от образования, социального положения, места жительства и т. п.) невелики. А это указывает на то, что символические события такого рода играют роль поколенческих границ, моментов внутр поколенческой идентичности, фиксации конвенциональных временных рамок, которые далее не передаются. Эти события — фиксация «в памяти» поколения моментов возбуждения общественного сознания, опосредованных СМИ, пропагандой или молвой.

Последующие же ряды устойчивых событий, не меняющихся в значении на протяжении 10 лет наших замеров, обнаруживают нарастающую тенденцию к сдвигу преимущественно в старшие возраста. Это следы работы ушедших советских институтов, остатки идеологических стереотипов пропаганды или школьного образования. Их репродукция невозможна без посредничества формальных каналов передачи исторического содержания, поскольку здесь не может быть непосредственного опыта и живой памяти. Работают долговременные системы ретрансляции — школа, кино, ТВ, литература и т. п.

Третий ряд: Первая мировая война (17%), гражданская война (14%), смерть Сталина (для всех возрастных групп — 9–10%, кроме людей

¹ В наших опросах 1989–1992 гг. порядок событий был несколько иным (правда, и формулировка вопросов была другой), хотя сама иерархия значимости проявилась уже тогда: на первом месте стояла «Октябрьская революция», закрепленная наиболее важным в советской номенклатуре символических дат праздником 7 ноября. Но уже через пару лет мифология зари нового мира и победы революционных масс уступила свое место более консервативному празднику Победы. Одновременно начали падать в цене и все имена, символы и события, относящиеся к коммунистическому пантеону, — авторитетность классиков марксизма, «смерть Ленина», популярность коммунистических вождей и государственных деятелей первых лет советской власти.

пенсионного возраста, среди которых это событие отметили 20%), массовые репрессии, голод 1930–1940-х гг. (11%). Например, «гражданскую войну» отметили опрошенные из всех возрастных групп, хотя чуть чаще — самые молодые, только что из школы, и пятидесятилетние, чаще — малообразованные, жители периферии, зависимые от содержания рутинных каналов идеологической накачки, обработки и пропаганды.

Четвертый (особый): эти события называются либо самыми молодыми респондентами, сохраняющими знание о них из школьных уроков, затем, в следующих возрастных группах, начинается забывание, утрата их значимости, а далее намечается медленный рост, так что максимальные оценки приходится на людей 60 лет и старше: таковы индустриализация (8%), Первая чеченская война (8%), превращение страны при Хрущеве и Брежнев в супердержаву (6%), августовский кризис 1998 г. (6%), становление суверенитета России (6%), падение Берлинской стены, крах соцлагеря (5%), путч 1991 г. (5%), коллективизация (5%), Вторая чеченская война (4%); доклад Хрущева на XX съезде (3%), создание соцлагеря (3%), снятие Хрущева, конец «оттепели», подавление Пражской весны (2%), реформы Гайдара (2%), первые многопартийные выборы в декабре 1993 (1%).

Например, «индустриализация» (в среднем ее называют 8% опрошенных): первый возраст (18–24 года) — 8%, второй (25–34 года) — 4%, третий — 5%, четвертый — 9%, пятый — 10%, шестой (65 лет и старше) — 14%. Смерть Сталина (в среднем 12%) — для людей от 16 до 65 — 10%, последний возраст — 20%. Образование особой роли не играет, но память о Сталине сильнее в пожилой и малообразованной среде культурной и социальной периферии, у людей с университетским дипломом — 11%, у респондентов с неполным средним образованием — 13%. Коллективизация (в среднем 5%) — для первых трех возрастов — 3–3.6%, в пятом возрасте (55–64 года, возраст современников и участников перестройки!) — 10%. У людей с высшим образованием — 4%, у тех, кто учился 7 лет или менее, — 6%. Тип поселения не имеет дифференцирующего значения. То же самое можно сказать относительно памяти о докладе Хрущева на XX съезде, снятии самого Хрущева и других памятных событиях советского времени, будь то создание соцлагеря или подавление Пражской весны, падение Берлинской стены и последовавший за этим крах всей системы социализма.

Другими словами, чем дальше по времени отступают ключевые события истории XX в. (например, Первая мировая война или гражданская война) от актуальности, тем большую роль играет импринтинг школьного обучения и зубрежки, подкрепленный советским кино и ТВ. По отношению к большей части фонда этих символических событий не образуется параллельного слоя альтернативных интерпретаций и каналов оценки, толкования, дополнения.

Имена — символы, но не ориентиры. На протяжении 20 лет работы нашего Центра (1988–2010 гг.) было проведено более 15 разных опросов, фиксирующих характеристики символических ресурсов — объем и глубину «исторической памяти» в виде набора значимых имен деятелей прошлого и ключевых событий отечественной и, реже, мировой истории. Менялись формулировки вопросов, могла меняться методика получения информации (самозаполнение респондентом анкеты или интервью), но принципиальный характер полученных данных не менялся. Персонификация символов более важна, чем представления о природе действующих институтов и их функциях, что требует гораздо более развитого социального воображения и компетенции, распространения в обществе навыков социально-научного мышления, немислимого без соответствующей работы репродуктивных институтов — школы, университета, публичности. Сравнивая разные замеры общественного мнения, мы можем судить о специфике символов советского, а затем постсоветского или российского человека, устойчивости массового сознания или, напротив, изменениях в его структуре. Приведу полный список звезд первой величины (см. табл. 18), полученный в самый канун краха советской системы, чтобы иметь представление о символической вселенной относительно образованного «советского человека». Подчеркну, что более половины опрошенных не дали ни одного содержательного ответа или отказались отвечать на вопрос.

Последовавшие за этим опросы свидетельствуют о сохранении принципиальной структуры символического поля россиян, что говорит о неизменности самих репродуктивных институтов и, соответственно, об отсутствии ресурсов для желаемых изменений общества. В 2008 г. в число значимых персонажей попали лишь 15–20 имен, которые отсутствовали в самых ранних замерах. В целом речь идет о консервативной тенденции заимствования из а) фонда дореволюционных, официально-православных значе-

ний, б) из советской сферы полуофициальной культуры или полуразрешенных, или неодобряемых в школьной программе писателей, поэтов, артистов, звезд «второй» или неформальной культуры, но не о появлении имен, указывающих на принципиально новые сферы значений.

Второе – специфическая структура символов. В списках полученных знаменитостей абсолютно преобладают отечественные имена XIX–XX вв.; иностранные имена в целом составляют лишь примерно одну пятую от общего количества названных. Из полсотни наиболее часто

Таблица 18

САМЫЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ, ПОЛНЫЙ СПИСОК 1991 г. (в % от числа ответивших, N = 1003)

Имена	%	Имена	%	Имена	%	Имена	%
Ленин	68	Брежнев	10	Столыпин	5	Архимед	3
Петр I	67	Вашингтон	8	Ньютон	5	Де Голль	3
Сталин	39	Эйнштейн	8	Черчилль	5	Бетховен	2
Пушкин	32	Христос	8	Шекспир	5	Галилей	2
Сахаров	27	Екатерина II	8	Колумб	5	Авиценна	2
Суворов	24	Кеннеди	8	Хрущев	4	Горький	2
Тэтчер	23	Чайковский	7	Неру	4	Ворошилов	2
Ганди И.	21	Рейган	7	Леонардо да Винчи	4	Бах	2
Наполеон	19	Рузвельт	7	Солженицын	4	Курчатов	2
Жуков	18	Андропов	7	Шекспир	5	Чапаев	2
Ельцин	17	Менделеев	7	Моцарт	4	Шеварднадзе	2
Ломоносов	16	Александр Македонский	7	Николай II	4	Чингисхан	2
Буш	16	Чайковский	7	Кастро	4	Шолохов	2
Кутузов	15	Александр Невский	6	Линкольн	3	Сократ	>2
Маркс	11	Энгельс	6	Лермонтов	3	Коперник	>2
Жуков	18	Высоцкий	5	Дзержинский	3	Аристотель	>2
Гитлер	11	Цезарь	5	Есенин	3	Дарвин	>2
Л. Толстой	11	Иван Грозный	5	Достоевский	3	Пугачев	>2
Королев	10	Циолковский	5	Пугачева	3	Булгаков	>2

1991-17 («Новый год»), N=2110.

Рассмотрим эти именные наборы более детально.

Первое, о чем необходимо сказать, – это крайняя бедность и одномерность символического мира. Как это было отмечено уже А. Левинсоном, автором первого детального разбора данных по этой теме в первом же опросе по программе «Советский человек», «большинству оказалось трудным отыскать десять имен, удовлетворяющих поставленным требованиям. Около половины ограничились 4–6 именами. Примерно 10% назвали все десять имен и столько же – всего одно-два имени»¹.

¹ Вопрос, содержащийся в основном варианте анкеты «Советского человека», воспроизводимый во всех 5 замерах (1989, 1994, 1997, 2003 и 2008 гг.), был сформулирован таким образом: «Назовите, пожалуйста, 10 самых выдающихся людей всех времен и народов». Подробнее об этом см. разбор данных в главе: *Nomen est omen. Предварительные замечания // Советский простой человек / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан, 1993. С. 167.* В опросе 1989 г. античные политики составляли 3%, «правители от древности и средних веков до 1917 года» – 4%, «политические деятели XX века» – 6%, «военные» – 4%, «ученые и изобретатели» – 7%, «писатели, поэты» – 10%, «акте-

упоминаемых во всех замерах имен лишь два имени принадлежат дамам, дублерам главных мужских символов: Екатерине Второй и Валентине Терешковой в качестве ослабленных символических двойников царя Петра Первого (основателя российской империи) и Юрия Гагарина, персонификации русского космического успеха и торжества советского ВПК над Америкой.

Состав исторического пантеона образуют, главным образом, четыре категории имен:

а) «творцы истории» – цари и полководцы (героическая милитаристская легенда империи, великой державы, расползавшейся по континенту за счет колонизации и военных захватов) либо – на самых ранних стадиях исследования – основоположники советской системы, классики марксизма плюс канонизированные руководители партии большевиков и советского государства (Маркс, Ленин, Эн-

ры, режиссеры) – 5%, «художники, архитекторы» – 3%, «церковные деятели», «певцы» – по 3%, «музыканты» – 4, «святые» – 1%. Примерно такой же расклад повторялся и позднее.

Таблица 19

ДИНАМИКА ЗНАЧИМЫХ ИМЕН НА ПРОТЯЖЕНИИ 20 ЛЕТ (вопрос: «Назовите, пожалуйста, 5-10 самых выдающихся людей всех времен и народов») (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	1989	1991	1994	1999	2008
Ленин	72	59	46	42	34
Маркс	35	8	6	5	3
Петр I	38	51	56	45	37
Путин	–	–	–	–	32
Горбачев	17	24	10	4	6
Пушкин	25	32	31	42	47
Энгельс	18	6	5	2	1
Ломоносов	20	14	18	18	17
Сталин	12	28	28	35	36
Суворов	17	24	24	18	16
Гагарин	15	8	11	26	25
Жуков	19	16	19	20	23
Менделеев	13	5	8	12	13
Л. Толстой	13	11	11	12	14
Циолковский	14	5	4	5	5
Эйнштейн	10	8	5	6	7
Екатерина II	6	7	14	10	8
Кутузов	10	14	16	11	11
Наполеон	8	16	19	19	9
Дзержинский	7	3	1	1	1
Дарвин	7	>2	>1	2	>1
Королев	9	8	6	9	10
Ньютон	6	5	5	4	6
Брежнев	–	6	8	8	8
Чайковский	5	7	7	7	6
Гитлер	2	9	9	7	6
Александр Македонский	5	7	10	>1	5
Лермонтов	4	3	–	9	9
Горький	4	2	2	1	1
Иван Грозный	3	4	4	4	5
Столыпин	–	–	8	1	4
Сахаров	–	27	17	8	6
Солженицын	–	–	3	3	4
Хрущев	–	–	7	3	5
Медведев	–	–	–	–	4
Ельцин	–	15	5	3	6
Андропов	–	5	4	3	1
Христос	0	>1	4	>3	4
Число опрошенных	1300	2100	3000	1600	1500

гельс, Сталин), а также живущие первые лица государства (Горбачев, Ельцин, Путин);

б) школьные классики – поэты, писатели, ученые, легитимирующие культурный статус империи и «великой державы»;

в) иностранные политики и полководцы, служащие моделями (или антиобразцами) для определения статуса центральных фигур отече-

ственной «истории»;

г) фонд имен, составляющих ядро мировой классики искусства и литературы XIX в., воспроизводящих стандарты эпохи европейского Просвещения, которые вошли в минимальную программу школы.

Третье. Бросается в глаза отсутствие религиозных и моральных авторитетов в списках

приводимых имен. В целом доминирует секулярные символы инструментального успеха — жестокой, силовой государственной политики, цели которой заключаются в расширении территорий и победы в войнах, вне зависимости от причин и мотивов войны. Персонафикация триумфа насилия, использующего человеческие массы как ресурс для достижения своих, чаще всего геополитических, целей, закреплена и воспроизводится в качестве высших символов коллективного, национального единства. Это и есть собственно российское представление об образцах успешной модернизации и геополитики, украшенное как виньетками необходимым антуражем культурных имен, составляющих славу великой державы. Нет ничего, что могло бы свидетельствовать о внутренней работе коллективного «духа» по рецепции и укоренению гуманистических ценностей, идей просвещения, терпимости и свободы. Существенно, что основная структура символов названа главным образом респондентами-мужчинами (мужчины чаще — статистически достоверно — называют имена полководцев и правителей: Александра Македонского, Гитлера, Сталина, Наполеона, Жукова, Кутузова), женщины — деятелей культуры, искусства (Чайковский, Лермонтов, Пушкин, Горький и т. п.). Такое гендерно-ролевое разделение воспроизводимых значений указывает на то, что минимальный набор представлен именно мужской версией, сочетающейся с дополнительными значениями маскулинности, мачизма, силы, насилия, героизма, нерелексивности, иерархии, а женская версия дополняет базовую конструкцию коллективной легенды символами репродуктивных и интегративных значений — школьного знания и канон мертвой, классической, деактуализированной культуры. Возрастные различия сводятся к постепенной замене советского набора имен (идеологических икон классиков революционного преобразования мира и позитивного, просветительского по духу научного знания) авторитарными, националистическими и милитаристскими фигурами: с течением времени у более молодых отмечается рост значимости имен-символов, оппозиционных по отношению к доминирующим у старшего поколения, — скажем, идет замена Ленина, Маркса и Энгельса, Циолковского, Эйнштейна, Дарвина на Петра I, Наполеона, Суворова, Гагарина, Сталина, Жукова и Гитлера, Кутузова, Горбачева на Путина, снижение значимости Сахарова и т. п.¹

¹ В опросе, проведенном в августе 1995 г. (N=3000), ответы на вопрос: «Кого бы Вы назвали самым выдающимся государственным деятелем

Таблица 20

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КТО ИЗ РОССИЙСКИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ПРИНЕС НАИБОЛЬШУЮ СЛАВУ НАШЕМУ ОТЕЧЕСТВУ? (НАЧИНАЯ С ОСНОВАНИЯ РУСИ ДО НАШИХ ДНЕЙ) (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Февраль 1998 (открытый вопрос)	Июнь 2000 (закрытый вопрос)
Жуков	29	57
Петр I	24	23
Суворов	14	56
Кутузов	8	39
Сталин	6	12
Александр Невский	5	19
Дмитрий Донской	2	4
Иван Грозный	2	2
Ушаков	1	4
Потемкин	1	2
Буденный	1	7
Чапаев	—	10
Рокоссовский	0	6
Ворошилов	—	4
Кн. Олег	—	2
Затруднились ответить	8	2

Февраль 1998, N=1600, Экспресс-1

Аналогичные тематические опросы молодежи (например, август 1998 г., вопрос «Назовите, пожалуйста, историческую личность — мужчину или женщину, — которая вызывает у вас самое большое уважение», N=2000) повторяют в ослабленном виде структуру мнений всего населения, хотя интенсивность ответов резко падает, растет число отказов от ответа или затрудняю-

России прошлого или настоящего?» — распределились так: Петр I (43%), Ленин (11), Сталин (9), Андропов и Екатерина II (по 6%), Брежнев (4), Николай II (2). Реформаторы — Хрущев, Горбачев, Ельцин — оказались в самом низу списка (по 1%); 14% затруднились ответить.

В мае 1998 (N=1600) на открытый вопрос «Кто, по Вашему мнению, был самым выдающийся политик XX века?» ответы распределились следующим образом: Сталин (11); Ленин (9); Тэтчер и Горбачев (по 5%), Черчилль, Рузвельт, Брежнев (3-2%); Зюганов, Клинтон, Сахаров, Ельцин, Хрущев (менее 2%); Кеннеди, Андропов, Де Голль, И. Ганди, Рейган (по 1%). Всего было названо более 50 имен. Отмечу, что абсолютное большинство из них — современники, т. е. имена брались из текущей информации СМИ.

В опросе февраля 1998 г. («Кого из следующих людей вы считаете самым выдающимся общественным/политическим деятелем за всю историю России после 1917 года?»), кроме уже названных, представлены Троцкий (2%), Маленков, Н. Рыжков, Жириновский, Зюганов, Лужков (все по 1%). Кроме того, 14% заявили, что «в России в эти времена не было выдающихся деятелей». Аналогичные распределения получены и в августе 2000 г.

шихся дать содержательный и конкретный ответ, а также появляются немногочисленные «случайные» имена (Жанна д'Арк, Иисус Христос, Эйнштейн).

Все эти деятели не являются для респондентов примерами личного подражания или образцами, которым должно соответствовать в своей жизни. Более 60% опрошенных в 2001 г. заявили о том, что у них нет людей, которые могли бы быть для них «моральным авторитетом» (см. табл. 21). Символические имена образуют искусственный звездный свод, под которым люди живут, но по которым не сверяют свою жизнь. Это не набор ценностных ориентиров, а флажки или знаки различия, обозначающие род войск, границы национальной территории, отделяющие «своих» от «чужих». Они никак не связаны с повседневными способами упорядочения реальности или выражения интересов. А значит, и никакая рационализация истории в этом плане — моральная, интеллектуальная — не возможна: их функция — легитимация власти как хранилища славного и героического государственного прошлого, неотделимого от носителей власти, единой и неподконтрольной.

Отметим, что уход ключевых имен-символов советского времени ничем не может компенсироваться. Сильные негативные оценки Ленина, переворачивающие его образ культовой или даже мифологической фигуры отца-основателя нового государства, творца «новой эпохи» в истории человечества и т. п., появившиеся в постперестроечный период, требовали от индивида, респондента, некоторой собственной интеллектуальной и моральной работы или выбора необычной групповой антикоммунистической или антисоветской позиции, предполагающей

Таблица 21

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ НАЗВАТЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ ВАС «МОРАЛЬНЫМ АВТОРИТЕТОМ», ПО КОТОРОМУ ВЫ БЫ СВЕРЯЛИ СВОИ ПОСТУПКИ ИЛИ НА КОГО ВЫ БЫ ХОТЕЛИ ПОХОДИТЬ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Затруднились ответить	46
Таких нет	15
Артисты, певцы, телевизионные ведущие	4
Литературные персонажи, герои фильмов	3
Политические и общественные деятели XX в.	3
Петр I	3
Мои родители	2
Путин	2
Знакомые и родственники респондента	>2
Ленин	>2
Другие исторические личности	>2
Я сам	1
Сахаров	1

Приводятся ответы, данные не менее 1% респондентов, июнь 2001, N=1600.

установку на решительные изменения советской системы, на реформы, сближение с Западом, возвращение к «нормальным» странам. Однако с течением времени эти установки под влиянием изменившегося общественного контекста трансформируются в слабые косвенные оценки («все забудут») и подлежат вытеснению из сознания. Важно отметить, что речь не идет в данном случае о перераспределении затруднившихся с ответом, а именно об уходе от выбора и определенности ценностных позиций.

Примитивность символической системы — не только в наборе имен, но и в персоналист-

Таблица 22

СКОРО ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОЧЕРЕДНАЯ ГОДОВЩИНА РОЖДЕНИЯ В.И. ЛЕНИНА. КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, БУДУТ ВСПОМИНАТЬ ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ ЛЕТ ЧЕРЕЗ 40-50? (в % от числа опрошенных; ранжировано по 1995 г.)

Вариант ответа	1995, май	2005, май	2006, май	2007, апрель
Как об основателе Советского государства	30	26	29	30
Как о расчетливом политике, сумевшем навязать свою волю огромной стране	19	14	12	9
Как о вожде, для которого на первом месте стояли интересы трудящихся	17	20	18	16
Как о жестоком диктаторе, готовом жертвовать жизнями миллионов	12	9	8	6
Как об удачливом политическом авантюристе	12	6	8	8
Как о великом мыслителе, верно предвидевшем будущее	10	12	13	9
Как о человеке, который не понимал и не любил Россию	5	5	4	3
Никто, кроме историков, не будет о нем вспоминать	25	41	32	45
Затрудняюсь ответить	14	5	7	6
% негативных оценок	37	26	24	21

N=1600.

ской картине происходящего, ее понимании исключительно из упрощенных (кухонного, пикейных жилетов) мотивов и обстоятельств лиц, действующих в истории. С одной стороны, модуль понимания — такой, как «я», с другой — отсутствие сколько-нибудь сложных, опосредованных, концептуальных систем объяснения реальности, актуальной или исторической. Это и есть бедность культурной почвы, интеллектуальных ресурсов российского общества, отсутствие не только средств объяснения, но и ценностей, в перспективе которых можно было бы давать оценку происходящему, отсутствие известного запаса идеализма, позволяющего видеть, запрашивать чуть больше, чем это обычно имеет место под влиянием философии выживания, ценностного минимализма.

Каналы распространения и воспроизводства «исторических» представлений. Для понимания специфики взаимодействия коллективной «памяти» необходимо разделить официальные, формальные, институционализированные каналы репродукции знаний или сведений о прошлом (школа, СМИ, пропаганда, набор государственных ритуалов, политработа в армии, органы власти, ответственные за коммеморацию, т. е. за определенную политику создания и рассаживания памятников знаменитым людям — реальным или символическим героям, ученым, политикам, деятелям — на определенной территории и т. п.) от неформальных, межличностных, сетевых каналов получения альтернативных или дополнительных представлений и знаний о прошлом. При всей грубости таких инструментов, как социологические опросы общественного мнения, они все же позволяют получить некоторое представление о масштабах потенциального разнообразия источников информации и, соответственно, пределах разномыслия.

Но чтобы оценить их воздействие, следует учитывать **интенциональный** характер представлений о прошлом. Это значит, что во внимание следует принимать не только намерения и интересы тех, кто профессионально, в силу специального обучения и ролевого поведения, обеспечивает ретрансляцию исторических знаний, но и другие обстоятельства, значимые для понимания условий возможности коллективной памяти, — подавление памяти, дискредитация источников «альтернативной» информации, страх, табу, привычный конформизм людей, «до смерти напуганных», и прочие обстоятельства. Память о коллективизации и раскулачивании прервана не только из-за массовой гибели

людей вследствие прямых репрессий (ссылки, переселений, голодомора, заключения в лагеря и расстрелов), но и из-за разрыва обычных связей и отношений членов семей — рассеивания семей, принудительной миграции населения на работы, связанные с государственным строительством, индустриализацией и войной. Но можно также говорить и о косвенных факторах разрушения групповой памяти, т. е. причинах, препятствующих аккумуляции семейной истории, о нежелании помнить или знать о прошлом, подавлении «интереса» к тому, что было раньше, — в семье, в месте, где в данный момент живут или работают люди. Такова, например, природа массовой «амнезии», наступившей после Большого террора, отказа говорить в семье с детьми о репрессированных родственниках, о попавших в плен, о «пятом пункте» и других опасных во многих отношениях темах. Именно этими обстоятельствами (нежеланием портить карьеру, страхом перед возможными доносами, угрозами со стороны партийных органов, милиции, ГБ, страхом поставить под удар детей и близких, чувством неловкости перед «нормальными людьми», социальной стигмой и проч.) объясняются лакуны или провалы в памяти людей старшего возраста, не говоривших с детьми и внуками о более ранних временах и членах семьи, пропавших бесследно (см. табл. 23).

В число условий, включающих механизмы забвения, стирания прошлого, могут входить:

а) воспроизводство только разрешенной или единственно допущенной официальной версии истории (предположим, что она едина, хотя это явно не так, поскольку в разные периоды трактовки и легенды истории власти существенно менялись, менялся и сам состав власти, институциональные задачи ее легитимации и поддержания), закрепление ложного или неполного, неадекватного изложения событий (смещение значимости, пропуски, акценты) или соотношения разных периодов истории;

б) табуирование, умолчание, замалчивание, закрытие доступа к источникам информации — архивам, библиотекам, запрет на публичные выступления и публикацию воспоминаний, запрет на ввоз иностранной литературы, цензура в СМИ и т. п.;

в) «смывание» истории (как смывают изображение на киноплёнке, затирают магнитофонные записи), т. е. сознательное уничтожение исторических свидетелей и самих свидетельств, документов, массивов информации о том, что власти считают нежелательным или вредным для доминирующей конструкции прошлого

(необязательно факты репрессий, но и другие факты о неблагоприятных действиях начальников или массы — например, данные расследований военной прокуратуры о мародерстве высшего военного командования во время войны, присвоении ценностей и имущества богатых немцев тем же Г. Жуковым или факты насилия солдат Красной армии в отношении женщин на оккупированных территориях, причем не только немцы, и т. п.);

г) прямые фальсификации истории, создание фальшивых документов и подложных фактов, создание фальсифицированных изложений исторических событий, предназначенных для массового употребления (например, на телевидении, а затем и в школах и т. п.).

Каналы воспроизводства «памяти» — это не просто передача тем или иным образом собственного пережитого, свидетельств личного или опосредованного опыта, сведений, знаний, рассказов о прошлых событиях или пересказов чужих свидетельств, а всегда их оценка, отбор, интерпретация и переинтерпретация, образующая, в конечном счете, устойчивую конструкцию происходившего, соотношенную с другими версиями тех же событий или вписывающую их в более общий контекст. Для того чтобы заработали (сложились в ходе многократного воспроизводства технологии передачи) каналы памяти, необходимым условием является устойчивая **генерализация изложения**¹. Для того, чтобы возник эффект воспроизводства, передачи свидетельств от группы к группе или ее институционализация, необходимо включение механизмов стереотипизации опыта и изложения, подсоединение генерализирующей интерпретации к частным свидетельствам и процедурам «понимания» обстоятельств прошлого. Генерализация в данном случае означает синтез трех процедур, имеющих разную функцию и природу: а) обозначение события (выделение его исходя из тех или иных «ценностей»); б) его генезис (какая-то причинная или логическая, мотивационная, функциональная связь с другими факторами или действиями людей, групп, институтов, «генеалогия события», причем, здесь возможны две схемы «происхождения события»: предметная и исследовательская, методологическая, реконструирующая контекст события); в) его

¹ Ср.: «Идеология существует и действует лишь вместе с данной "системой" ее истолкования, распространения, не иначе, как через нее <...> Идеология реально существует именно в системе ее реализации». — Левада Ю.А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965. С. 160.

практическая оценка, устанавливающая отношение к событиям со стороны говорящего и, соответственно, слушающего, часто смешиваемую с «генезисом», объяснением происхождения события. Только при одновременном действии всех трех процедур образуется смысловая связь, доступная для «понимания», т. е. доступная для внутреннего воспроизведения этих обстоятельств Другим или другими, возникает последовательность воспроизведения смысла. Иначе говоря, в принцип генерализации заложена схема понимания смысла события, его происхождения или оценки. А если это так, то следует признать, что «память» — это не спонтанный субъективный акт, а сложно организованное социальное действие (взаимодействие), смысл которого действующие лица соотносят со смысловыми порядками других групп и институтов. История, или массовая историческая «память» (в отличие от фольклора, традиции, ритуала), не говоря уже о специальных формах закрепления прошлого в публицистике, архивном деле, науке и проч., возникает только в сложно устроенном, т. е. структурно и функционально дифференцированном социуме, способном закрепить и удержать это прошлое. Любое определение некоей ситуации в качестве «события» происходит как индивидуальная или «коллективно» санкционированная проекция предполагаемых или неявно подразумеваемых квалификаций ее «из воображаемого будущего», с «точки зрения» будущих рассказов о ней другим людям или поколениям².

Без обобщения и включения в определенные коллективные сюжетные схемы личный прожитый опыт не удерживается и не передается. Такой вывод вытекает из анализа материалов исследований, в частности, опыта людей с низким уровнем образования, переживших сталинские репрессии, голод, коллективизацию или слышавших рассказы об этом от ближайших членов семьи. В этой среде индивидуальная «память» о пережитом или о прошлом сохраняется даже ярче, чем в какой-либо другой среде, но — что существенно — далее она не передается: следующие возрастные группы не знают о событиях прошлого, которые отмечали старшие (см. ниже табл. 23–24).

² Эти структуры социального действия можно назвать «игровыми» в духе Левады или «метафорическими», в моей интерпретации смыслового синтеза, но в любом случае здесь важно именно сочленение разных пластов реальности, культурных значений и социальных норм их актуализации и интерпретации.

Таблица 23

ГОВОРИЛИ ЛИ С ВАМИ ВАШИ РОДИТЕЛИ, СТАРШИЕ В СЕМЬЕ О ЧЕМ-ЛИБО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НИЖЕ?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
О репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	22	26
О реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	17	22
О руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	29	28
Об эмиграции, о выезде из страны	6	7
Об освоении целины	8	–
О первых полетах в космос	13	–
О сообщениях зарубежного радио	5	–
Об интимных отношениях, сексе	4	11
О смерти	12	13
О самоубийстве	3	5
О Боге, вере, церкви	18	28
Об инакомыслии, диссидентах, самиздате	–	7
О жизни за границей	–	14
О войне в Афганистане, Чечне	–	23
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря (Венгрия, Пражская весна, выступления польских рабочих и т. п.)	–	6
О чем-то из этого говорили, но я не придавал (ла) этому значения	20	–
Я вырос (ла) без родителей	3	1
Ни о чем из этого родители, старшие со мной не говорили	23	17
Затрудняюсь ответить	–	11
Число опрошенных:	1500	1500

«←» – в анкете или в вопроснике данной подсказки не было

«Память» о прошлом сохраняется лишь относительно тех событий, которые

а) получают *общественно значимое* содержание («значение для других, смысл событий»);

б) *общепринятую* повествовательную (нарративную) форму (жанр, формула, канон, языковые или сюжетные стереотипы изложения), в которой в снятом виде уже содержатся некоторые элементы генерализации события;

в) имеют значение для будущего или настоящего (идеологическое, политическое, экономическое), т. е. выделяются, оцениваются в какой-то ценностной перспективе;

г) связаны с социальными интересами, групповыми или институционально закрепленными представлениями, определяющими поведение в других областях, других институциональных зонах (господства, идеологии, морали,

политики, образования, культуры и т. п.).

Для анализа их значимости необходимо выделить плоскость *интересов памяти* действующих (вспоминающих или рассказывающих, слушающих и запоминающих), под влиянием которых происходит смысловой синтез отдельных сообщаемых сведений и изложений пережитого. Сами по себе эти интересы могут иметь разную природу и направленность – отрицание или подтверждение одних конструкций прошлого, самоудовлетворение от рассказа, повышение статуса рассказчика или героя рассказа (героизация поведения, превращение его в образцовое или подобающее), закрепление идеологических версий, мифологизация, анализ и самопонимание, обоснование правоты и вины – своей или других, признание в глазах других, акцентирование «ужасного», нарушающего норму, или «величественного» и проч. Во всяком случае, элементы рационализации прошлого, как и его мифологизации, – вещь, сопутствующая практически любой конструкции памяти.

Рассмотрим вопросы объема и структуры «памяти» более конкретно, на материале наших опросов¹. Начнем с выявления параметров устной коммуникации в самых доверительных сферах общения, в семье.

Главная или явно выделяющаяся тема в семейных разговорах старших и младших – обсуждение действий руководства (вождей) страны и выражение неудовлетворенности ими, неэффективности управления, с воображаемой точки зрения коллективных интересов, с позиций государственного патернализма. На втором месте – тема репрессий. История в этом русско-советском смысле означает не участие в политике, а ее зрелище и кухонное обсуждение. Модель здесь: «пикейные жилеты».

Сравнивая замеры, отделенные двумя десятилетиями, отметим, прежде всего разную интенсивность ответов: общее число ответов в 2008 г. (если исключить позиции, которых не было в другом замере) больше, чем в 1989 г. (на 13%), что может служить свидетельством некоторой разрядки, уменьшения количества

¹ Прямое сравнение распределения ответов не совсем корректно, поскольку за эти годы изменилась техника опросов: в 1989 г. исследование предполагало самозаполнение анкетного листа респондентом, позже мы отказались от этой методики и использовали в основном форму интервью, что повлекло за собой некоторые изменения в наполненности отдельных «подсказок». Изменился также их набор: в 2008 г. многие из тематических подсказок потеряли актуальность и плохо принимались новым поколением, по этим соображениям они были исключены из вопросника.

табуированных тем и связанных с ними страхов в обществе. Далее – параметры среды, в которой могли обсуждаться или обсуждались запретные или непубличные, нежелательные темы, весьма ограничены: о репрессиях, терроре говорили примерно в каждой пятой-четвертой семье (22–26%), о диссидентстве, самиздате, равно как и об антисоветских восстаниях или движениях протеста в странах социализма – в 6–7% семей (примерно столько же, чуть меньше, слушали «голоса» – 5%¹), о «жизни за границей» и «эмиграции» – соответственно, в 14% семей и в 6–7%. О «вождях», «реальном положении дел» в народном хозяйстве, обществе – от 29 до 17–22% (легко предположить, что эти разговоры были весьма критическими по отношению к руководству). Религиозные проблемы, вопросы смысла жизни, смерти, самоубийства, любви и секса затрагивались в межличностном общении тоже в очень немногих семьях – в диапазоне от 3–4 до 12–18%.

Кросс-табулярный анализ показывает, что респонденты, дававшие ответы на эти вопросы, составляют определенное множество (т. е. отвечающие на один вопрос чаще отвечали и на другие, близкие по характеру вопросы). В этом множестве можно выделить «ядро» с более высокой интенсивностью подобных обсуждений, откровенных разговоров и размытую «периферию», в которой подобные темы затрагивались эпизодически. Именно «ядерные» группы образуют среду, рефлексирующую по поводу социальных событий в прошлом и настоящем, являющуюся носителем альтернативных, по отношению к официальной пропаганде, представлений и мнений о том, что происходит в стране и в мире. В любом случае, и это следует подчеркнуть, хотя само соображение такого рода звучит достаточно тривиально, подобные респонденты не размазаны равномерно по всему населению. В основном это более образованные люди зрелого или пожилого возраста, читающие горожане, следящие за событиями, короче, ангажированная и культурная публика, интеллигенция, если следовать ее прежней советской самоидентификации. Это «ядро» можно оценить в 5–7% опрошенных, что примерно и соответствовало удельному весу образованных в структуре населения; «периферия» простирается до 25, максимум – 30% взрослого

¹ Заметим, это намного меньше, нежели давали наверх «спецсоциологи» в советское время – от 30 до 50% населения, среди молодежи – даже до 70%. Это объясняется тем, что им надо было пугать свое начальство, чтобы оно выделяло соответствующие средства на такого рода «исследования».

населения. Остальные – вне истории и современности.

Для начала приведу данные опроса 2008 г. и московского опроса осенью 2009 г. (см. табл. 24) с тем, чтобы получить общее ретроспективное представление о том, как в памяти людей отражены те занятия, которые были чертой определенного образа жизни некоторых групп в советское время, как привилегированных, так и нет. Конечно, ретроспективные ответы могут дать только приблизительное представление (точнее даже, мнения) о реальном поведении 30–35-летней давности, но для нас здесь важна не абсолютная точность, которая недостижима в исследованиях такого рода, а примерные соотношения между различными формами поведения, удельный вес некоторых каналов и устойчивых взаимодействий. Чтение самиздата или тамиздата предполагает взаимообратимые отношения доверительности, регулярности, сетевого взаимодействия социальными, культурными и информационными ресурсами, совершающегося под угрозой репрессий. Точно так же и пользование спецхраном или спецраспределителями, как и включение в другие эксклюзивные отношения, предполагает урегулированный порядок доступа и поддержания этих взаимодействий, их институциональный характер.

Таблица 24
СЛУЧАЛОСЬ ЛИ ВАМ, ВАШИМ РОДИТЕЛЯМ, СТАРШИМ В СЕМЬЕ В СОВЕТСКИЕ ВРЕМЕНА ДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008	2009*
Читать самиздат	9	18
Пользоваться в библиотеке спецхраном	3	3
Читать литературу для служебного пользования	10	10
Читать толстые литературные журналы	25	30
Пользоваться спецраспределителями (покупать там одежду, продукты и пр.)	6	6
Пользоваться сертификатами, боннами	4	7
Пользоваться персональным транспортом	7	4
Быть за границей (с родителями, по службе, в турпоездке)	9	9
Ничего из перечисленного	42	31
Затрудняюсь ответить	18	28
Сумма ответов	133	146
Число опрошенных	1500	1000

* Московский опрос.

Как видим, в Москве не только чтение толстых журналов было более распространенным занятием, но и сеть самиздата была гораздо более развитой и широкой, чем в стране в целом (реально она существовала лишь в крупнейших городах, становясь все более редкой в региональных центрах и исчезая практически полностью в других типах населенных пунктов). Примерно 90% населения были вне этих структур взаимодействия и, соответственно, вне дополнительных, по отношению к официальным каналам пропаганды, источников информации и интерпретаций. Сама структура этих альтернативных или параллельных каналов взаимодействия представляет собой «пирамиду» возможностей, состоящую из разного рода привилегий и допусков, вершину которой образуют допущенные к спецхрану, иностранным и «закрытым» источникам информации и спецраспределителям, а «подошву» — лимиты на подписку дефицитных журналов и прочие каналы не всеобщего потребления¹.

Анализ этих данных показывает, что и чтение самиздата, тамиздата, слушание зарубежных радиостанций, пользование спецхраном и литературой ДСП сочетались с некоторым доступом к закрытым распределителям, поездкам за границу и тому подобным благам и льготам, характерным для «высшего среднего» и «среднего» слоя советской бюрократии (может быть, включая даже и нижний слой номенклатуры). А это значит, что именно эта среда полупривилегированных или статусно более высоких, хотя и не высших, групп оказалась проводником других, в том числе и «чуждых» советскому духу идей и образцов. Более того, именно в этой среде шел процесс критического разбора действующей системы власти, т. е. ее разложение. Никаких других источников образцов, идей и ценностных представлений в закрытом советском обществе не было и быть не могло. В состоянии ли эта среда критически мыслящих бюрократов, «слегка» купленных разными привилегиями и льготами, лучше других видящих дефекты и тупики системы, но исправно служащих ей, поскольку ситуация представляется им безальтернативной (диссидентство и открытая политическая борьба в глазах этого слоя не воспринимается как реальная стратегия действия), выработать ценностные и моральные принципы, которые стали бы основой новой системы

¹ В данном случае я говорю не о реальной социальной элите или верхней части социальной структуры, а о верхних слоях так, как они представлены в нашем опросе на весьма специфические темы. Это различие следует учитывать, чтобы не возникали ложные отождествления.

представлений об истории, обществе, праве, модернизации страны? Вопрос носит скорее риторический характер, поскольку ответ очевиден: нет. Нельзя (вопреки всем славословиям русской интеллигенции) ждать от людей, вынужденных приспособляться к нормам и требованиям репрессивной системы власти и управления, последовательной систематизации знаний и окончательных выводов, которые уничтожают их самих или подрывают их социальное положение и шансы на существование. Напротив, единственно возможной их тактикой будет беспринципное соединение лояльности и критики, адаптация идей и собственных представлений ценой снижения запросов и приспособления (индивидуального, группового, коллективного) к императивам «положения вещей», что заставляет отсекал «крайности» и выбирать «реалистические» варианты определения ситуации и конструкции истории.

Неизбежный оппортунизм (при сохранении критической установки) характеризует интеллектуальную и моральную атмосферу предперестроечных лет и задает программу поведения этих групп на последующие 20 лет, до следующего цикла социальной репродукции. Проводниками альтернативного знания об истории являлись те же слои, которые несли и даже создавали официальную версию советской истории. Такой вывод только на первый взгляд кажется парадоксальным. Если вдуматься в это обстоятельство, становится понятным, что никакой иной среды, способной выдвинуть альтернативные версии происходящего, и быть не могло, так как историческое знание, даже в такой уродливой и дырявой форме, как советская история, могло создаваться, фиксироваться и транслироваться только специально обученными людьми, только в среде носителей письменной культуры (совсем необязательно для этого быть «профессиональным историком», скорее наоборот). Именно эти опрошенные и чаще обсуждают настоящее и прошлое страны, гордятся им и стыдятся его. Другими словами, особенно сюжетики и конструкции истории отражают характер общества, его институциональную природу и морфологическую структуру, а также моральные представления образованного общества, «элиты».

Женщины, в особенности образованные женщины в годах, живущие в больших городах и занятые в структурах управления, культуры, науки, образования, лучше хранят историю семьи, помнят не только о поколении своих родителей, но имена и предания о прапрадедах.

Они заметно чаще мужчин вспоминают о том, что было в их семье, в том числе и о табуированных темах репрессий и повседневных проблемах. Это может объясняться двумя различными причинами, технической и функциональной: (а) уровень образования у женщин выше, чем у мужчин, и (б) социализация нового поколения остается преимущественно женской задачей; консервация групповой памяти и передача опыта прошлого, «рассказов о том, что было», принадлежит скорее матерям и бабушкам, чем мужской половине.

Для нашего разбора структуры представлений и характера источников представлений о событиях прошлого и настоящего важно определить именно удельный вес альтернативных каналов информации и представлений. Самые разные вопросы в исследованиях общественного мнения дают примерно одни и те же цифры обращения к «альтернативным» или неофициальным каналам информации и культурных значений (3–6%), причем их объем не меняется на протяжении многих лет, что говорит об устойчивости или жесткости структуры общества.

Таблица 25

КАКИЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ В 1988, В 1989 ГОДАХ ОКАЗАЛИСЬ НАИБОЛЕЕ ДОСТОВЕРНЫМИ В СЛОЖНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1988	1989
Центральное телевидение	63	67
Всесоюзное радио	28	30
Центральные газеты	38	50
Местная печать, радио, телевидение	12	13
Зарубежные источники	3	3
Служебная информация закрытого характера	8	3
Лекции	3	3
«Самиздат»	2	0,5
Рассказы очевидцев, друзей, знакомых	7	7
Слухи	3	2
Затрудняюсь ответить	13	12
Число опрошенных	1100	1600

Таблица 26

ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ О СОБЫТИЯХ 1968-ГО ГОДА В ЧЕХОСЛОВАКИИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Сам участвовал в этих событиях, участвовали близкие мне люди, очевидцы	2
Из советских газет, телепередач тех лет	15
Из передач «западного» радио и из других неофициальных источников тех лет (самиздат, западная литература)	3

Мне рассказывали об этом старшие – современники этих событий	9
Из газет, телепередач, других источников «перестроечных» и более поздних лет	15
Знаю об этом из учебников, книг по истории	8
Затрудняюсь ответить	3
Ничего не знаю о них	55

2008, N=1600.

Таблица 27

СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О «СОБЫТИЯХ 1968 ГОДА», КОТОРЫЕ НАЧАЛИСЬ СО СТУДЕНЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЙ В МАЕ 1968 ГОДА ВО ФРАНЦИИ И ПРОКАТИЛИСЬ ПО ВСЕМ СТРАНАМ ЗАПАДА, И ЕСЛИ ДА, ТО ИЗ КАКИХ ИСТОЧНИКОВ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
От очевидцев событий тех лет	2
От современников этих событий	3
Из советских газет, телепередач тех лет	8
Из передач «западного» радио и из других неофициальных источников тех лет (самиздат, западная литература)	3
Из газет, телепередач, других источников «перестроечных» и более поздних лет	8
Из учебников, книг по истории	4
Из художественной литературы, кино	2
Слышал(а), но не помню откуда	10
Ничего не слышал(а) об этих событиях	53
Трудно сказать, слышал(а) или нет	12

2008, N=1600.

Рассмотрим особенности основных видов воспроизводства и передачи «знаний» о прошлом.

Мы, естественно, ограничены условиями и технологическими характеристиками массового опроса. По методическим соображениям в опросном листе введены лишь самые принципиальные различия каналов воспроизводства: а) механизмы *личного общения* (собственный опыт и его пересказ членам семьи или приравненным к ним по степени доверия, эксклюзивный характер свидетельств, «почти» свободных от страха перед возможными репрессиями за крамольное поведение); б) *формально-институциональные* механизмы образования и социализации – преподавание в средней школе и вузах; в) каналы *письменной культуры*, чтение соответствующей литературы, книг и журналов, связанных с интересующей нас тематикой (диапазон свидетельств здесь предельно широкий – от воспоминаний и очерков до романов и научных исследований); г) *масмедийные формы* – кино, ТВ, крупнотиражная, в том числе

или даже преимущественно желтая пресса, вроде нынешних «МК», «КП», «АиФ» и прочих таблоидов.

Содержимое канала обусловлено средствами и целями передачи. Социальные средства передачи и трансляции — это личный рассказ, технические формы воспроизводства, показ, изложение документов, их анализ, техника эмоционального возбуждения идентификации и сопереживания или пропагандистская суггестия и т. п. Ключевую роль здесь играет зона (дистанция) коммуникации: если она не выходит за пределы личного свидетельства, то коммуникация прерывается. В качестве фильтров содержания могут выступать идеологические клише, цензурные запреты, ограничения социально-языкового рода, интеллектуальные, риторические, лексические и тому подобные формы передачи, воспоминания, нарратива, а также угрозы санкций за передачу или нарушение стандартов, канонов, правил, норм передачи. Причем эти санкции касаются всех видов каналов. Это могут быть остракизм и отчуждение в личном общении как за нарушение табу разного рода, так и прямо противоположное — внесение в лично-доверительные отношения ноток официоза и идеологического лицемерия, это может быть фальшь в литературных формах или нарушение риторики преподнесения идеологических схем.

Объемы транслируемого содержания — принципиально разные у разных каналов. Понятно, что личный рассказ о голоде в конкретной деревне или аресте родственника, атмосфере 1950-х гг. не может быть очень большого объема, он может повторяться, уточняться, но сфера жизненных впечатлений не может быть очень значительной, даже если рассказываемый эпизод идет в модусе «так было тогда везде».

Цели передачи или канала всегда адаптированы применительно к функциям канала (средства и объемы передаваемого, соответственно, могут быть разведены только аналитически). Здесь можно выделить такие типы поведения, как поддержание семейной и личной идентичности, научение, групповая и институциональная социализация к нормам и образу существования в малых группах, в больших коллективах и организациях, в формальных институтах, воспитание, пропаганда, расширение пределов воображения, развлечение, переживание экзистенциальных глубин опыта и обозначение его пределов вплоть до полного воспроизводства культурных значений и пластов.

Столь же существенную роль играет апелляция к разным инстанциям достоверности и авторитетности сообщаемого: личные опыт, свидетельства очевидцев, авторитет политиков, общественных деятелей, церковных иерархов, документы, тексты профессиональных историков и проч. Возможности критики опыта (публичные дискуссии) в наших условиях и обстоятельствах предельно ограничены. Поэтому и уровень критической рефлексии относительно предъявляемых критериев действительности прошлого — примером здесь может служить общественная реакция на Катюнь или на события Пражской весны, данные о числе и причинах огромного числа жертв войны, намного превышающего немецкие потери, детали лагерной жизни, цифры об уровне и характере преступности и т. п. — крайне низок.

Общественная рефлексия имеет место только там, где по разным причинам и стимулам, мотивам действия, происходит подхват или спуск рефлексии сверху, инициируемый элитными группами и доходящий до низа, по крайней мере, до школы или низовых организаций «гражданского общества». Либо где, напротив, процесс идет снизу, как это было с волной ксенофобии и защитного национализма в 1990-е гг., пойманной и подхваченной властями и аппаратом пропаганды уже при Путине. Можно представить себе и боковые тренды. Чаше, видимо, бывает, что инициатива исходит из некоторых квазиэлитных или бюрократических групп, претендующих на идеологическую роль.

Сопоставляя степень информированности (разговоры) и источники информации, мы можем отметить следующие изменения за 20 лет (см. табл. 28). Во-первых, идет сокращение сферы прямых свидетельств о массовых репрессиях, увеличивается сфера косвенных, опосредованных знаний или сведений через третьих лиц и институциональные каналы — школу, вуз, причем с уменьшением доли литературы растет значимость ТВ (кино едва ли стоит принимать во внимание из-за практически полного исчезновения массовой киноаудитории в последние 15 лет). То, что падает роль литературы как посредника, как источника знаний о прошлом, причем падает резко (с 58 до 36%), следует считать принципиально важным обстоятельством: книжная форма — наиболее адекватный и — при прочих равных — более независимый от властей источник, потенциально предполагающий документы или обоснованные аргументы соответствующих утверждений; телевизионная, или виртуальная, реальность в гораздо большей сте-

Таблица 28

ОТКУДА ВЫ ЗНАЕТЕ О СЛЕДУЮЩИХ ВЕЩАХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008	1989	2008	1989	2008	1989	2008	1989	2008	1989	2008
	Сам или семья испытывали на себе, были свидетелями	Рассказывали старшие родственники, знакомые/слышал об этом от очевидцев	Из учебы в школе, институте	Читал (а) об этом в книгах, журналах	Знаю из кино, ТВ	Почти ничего, мало знаю об этом						
О репрессиях 1930–1950-х гг.	9	8	22	25	–	33	58	36	–	42	13	11
О преследованиях диссидентов	1	1	5	10	–	18	29	28	–	34	68	33
О событиях 1956 г. в Венгрии*	1		11		–		29		–		59	
О событиях 1968 г. в Чехословакии*	1	2	14	9	–	16	32	22	–	33	53	38
О войне в Афганистане	2	–	45	–	–	–	55	–	–	–	7	–
О войне в Чечне	–	6	–	28	–	12	–	34	–	70	–	4
О коллективизации, голоде, депортациях	–	9	–	28	–	39	–	31	–	38	–	10
О голоде 1923–1933 гг.	18	–	25	–	–	–	–	36	–	–	–	24
О лишениях тыловой жизни во время ВОВ	28	–	34	–	–	–	–	33	–	–	–	9
О пленных во время ВОВ	4	–	26	–	–	–	–	58	–	–	–	14

* В 2008 г. формулировка вопроса была такова: «Откуда Вы в основном знаете: о событиях 1956 г. в Венгрии, 1968 г. в Чехословакии?»

пени контролируется властями, администрацией президента и фактически играет роль инструмента политической пропаганды. Но и по природе своей СМИ гораздо более ангажированы и менее достоверны, они не предполагают доказательств и систематической проверки своего содержания.)

За 20 лет выделенная нами структура «социализационных разговоров» изменилась незначительно, что само по себе заслуживает отдельных размышлений. Несколько снизилась значимость темы репрессий, но выросли все «экзистенциальные» проблемы субъективного существования (смерти, самоубийства, любви, интимности), в особенности — религии (с 11 до 31%), что, как мы знаем, не есть знак повышения значимости этической стороны жизни, духовного интеллектуализма и т. п. Скорее, напротив, это свидетельство усиления обрядово-магической стороны общежития, признак конформизма, архаической и антиинтеллектуалисткой примитивизации коллективной жизни. Ушла, практически забыта оказалась война в Афганистане, не получившая подкрепления в медийных средствах репродукции.

Картина исторической «действительности» редко меняется целиком, в своей принципи-

альной конструкции, сюжете, фабуле. Обычно бывает, что в случае изменения выкидываются отдельные звенья и элементы схемы интерпретации, принципиально важные для оценки прошлого (допустим, глорификация Сталина или руководящая роль КПСС), но общая схема понимания прошлого не меняется. Видимость принципиальных изменений в трактовке истории в некоторых случаях возникает из-за перемены знака (идеологической оценки) событий — реабилитация Белого движения, негативное описание «красных». При этом конструкция прошлого — допустим, персоналистская схема исторического процесса — остается той же самой. Однако в нашей ситуации чаще проявляются другие особенности массового отношения к большому времени: неспособность к вынесению моральных (и правовых!) оценок прошлого ведет к стерилизации фактов прошлого и их вытеснению («лучше забыть»), сами возможные ценностные коллизии нейтрализуются. Примером подобной разгрузки может служить выражение «сталинские преступления», превратившееся к настоящему времени в пустую форму, риторическое клише, используемое официозом в качестве знака «темного места», не подлежащего рационализации и актуализации. Обще-

ственным мнением сомнительность этих мест воспринимается вполне «адекватно», в соответствии с негласными конвенциями «"да" и "нет", не говорите, черного и белого не называйте».

Рассмотрим подробнее распределение ответов на выше приведенный вопрос («о чем говорили в семье») в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов.

Из таблицы 29а следует, что максимум зна-

чимости проблематики сталинских репрессий (36–35%, т. е. примерно треть соответствующей возрастной когорты), а также оценок положения дел в стране, качеств политического и экономического руководства приходится на поколение, социализация которого прошла в годы хрущевской оттепели и первую половину брежневского застоя (до окончательного формирования собственно великодержавной идеологии

Таблица 29

О ЧЕМ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ САМИ ГОВОРИТЕ (ИЛИ СОБИРАЕТЕСЬ ГОВОРИТЬ) С ДЕТЬМИ, ВНУКАМИ, МЛАДШИМИ В СЕМЬЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
О репрессиях, тюрьмах, ссылках в сталинскую и советскую эпоху	17	14
О реальном положении в экономике страны в прошлом, в наше время	32	33
О руководстве страной, ее вождях в прошлом, сегодня	28	29
Об эмиграции, выезде за границу	6	7
Об освоении целины	6	–
О первых полетах в космос	15	–
О сообщениях зарубежного радио	4	–
Об интимных отношениях, сексе	15	21
О смерти	6	13
О самоубийстве	3	8
О Боге, вере, церкви	11	31
Об инакомыслии, диссидентах, самиздате	–	5
О жизни за границей	–	18
О Великой Отечественной войне	54	48
О войне в Афганистане, Чечне	–	23
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря (Венгрия, Пражская весна, выступления польских рабочих и т. п.)	–	4
Ни о чем из этого с детьми/младшими в семье не говорю/не собираюсь	29	8
Не имею детей/младших в семье	17	10
Число опрошенных:	1500	1500

Таблица 29а

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ НА МНОГИЕ ТЕМЫ БЫЛО НЕ ПРИНЯТО ИЛИ ДАЖЕ ОПАСНО ГОВОРИТЬ. ГОВОРИЛИ ЛИ С ВАМИ ВАШИ РОДИТЕЛИ, СТАРШИЕ В СЕМЬЕ О ЧЕМ ЛИБО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО НИЖЕ (в % от числа опрошенных)

Возрастные группы	65 лет и старше	55–64	45–54	35–44	25–34	15–24
Годы рождения	1943–1920	1954–1943	1974–1963	1964–1973	1974–1983	1984–1992
О массовых репрессиях	26	36	35	22	17	20
О реальной ситуации в экономике	15	30	27	18	18	23
О руководстве страной, вождях	22	34	32	32	24	24
О диссидентах, самиздате	3	13	11	6	4	6
Об эмиграции	6	9	8	7	3	12
О жизни за границей	9	16	15	13	10	18
Об афганской войне, чеченской войне и т.п.	17	28	23	22	24	25
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря	3	10	8	4	5	5
Общая сумма ответов	101	176	159	124	105	133

Таблица 29б

Образование/тип поселения	Высшее	Среднее	Неполное среднее	Москва	БГ	СГ	МГ	Село
О массовых репрессиях	31	26	23	22	30	28	25	23
О реальной ситуации в экономике	26	25	16	27	25	22	23	17
О руководстве страны, вождах	32	29	24	32	27	30	32	22
О диссидентах, самиздате	10	8	4	9	9	8	6	5
Об эмиграции	10	8	4	11	12	7	4	6
О жизни за границей	17	15	10	19	16	17	12	9
Об афганской войне, чеченской войне и т.п.	24	24	21	21	28	23	19	24
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря	9	6	2	11	7	7	4	3
Общая сумма ответов	168	141	104	152	154	142	125	109

Таблица 29в

Социальный статус										
	Предприниматель	Руководитель	Специалист	служащий	Квал.рабочий	Неквалиф. раб	Безработный	Студент, учащийся	Пенсионер	Домохозяйки
О массовых репрессиях	28	46	36	29	25	15	17	19	28	21
О реальной ситуации в экономике	15	56	25	24	20	20	20	26	19	24
О руководстве страны, вождах	27	51	28	37	26	23	22	30	26	20
О диссидентах, самиздате	10	28	7	8	8	3	10	5	6	3
Об эмиграции	10	18	7	7	7	8	12	9	6	4
О жизни за границей	16	23	19	14	10	11	13	21	11	20
Об афганской, чеченской войне	27	30	25	25	23	27	20	25	20	17
Об антисоветских движениях в странах соцлагеря	7	13	10	7	5	4	7	3	4	2
О Боге	30	34	29	28	24	29	34	23	32	23
О смерти	12	22	11	13	15	17	12	8	11	11
О сексе	16	23	16	13	10	16	12	10	7	3
О самоубийстве	5	13	6	4	5	8	6	4	6	3
Сумма ответов	175	357	219	209	178	181	185	183	176	130

Таблица 30

ГОВОРИЛИ ЛИ У ВАС В СЕМЬЕ О ... (в % от числа опрошенных)

Возрастные группы	65 лет и старше	55–64 года	45–54 года	35–44 года	25–34 года	15–24 года
Годы рождения	1943–1920	1954–1943	1974–1963	1964–1973	1974–1983	1984–1992
Боге, вере, церкви	29	37	29	26	23	25
смерти	10	14	15	13	13	10
самоубийстве	4	7	3	4	6	7
сексе	6	13	9	13	10	14
ВОВ	53	66	62	51	50	46
Ни от чем таком не говорили	15	12	16	19	20	18
З/о, вырос без родителей	14	6	5	11	14	19
Сумма ответов (без з/о и «не говорили»)	102	137	118	107	102	102

и вытеснения коммунистического миссионерства, замены его доктриной супердержавы). Более того, следует подчеркнуть, что две эти смежные возрастные группы — послесталинских лет рождения и до установления собственно брежневского правления — оказываются самыми ангажированными и политически озабоченными, взволнованными событиями в стране и перспективами возможных изменений режима. Собственно именно эти возрастные группы и стали переломными, на них система начала ломаться. Их отношение или интерпретация событий, в силу интереса к прошлому, в силу других установок, заметно отличались от официоза, что и стало причинами множественных дефектов в репродукции советской идеологии.

В поколенческом плане наиболее заинтересованными в понимании этих проблем и вовлеченными в их обсуждение (см. общее число ответов в разных группах) оказываются возрастные группы послевоенных лет рождения — те, кому сейчас 55–65 лет, и примыкающие к ним 40–50-летние люди. Война для этих поколенческих когорт была опосредованной сферой символических значений. Сами они не воевали, но именно им была передан обобщенный и переработанный (хотя бы в первом приближении) опыт экзистенциальных испытаний, заставивший задуматься о цене войны и ответственности советского руководства за войну, за положение дел в стране и, в конечном счете, о самом режиме власти и характере политического строя. В этом плане некоторое изменение самих критериев оценки настоящего и прошлого или перспектив рассмотрения, о чем косвенно говорит повышенная значимость вопросов субъективации личности, озабоченность вопросами смерти, религии, секса, интимности, оказывается крайне важной в процессе расколдовывания норм советского принудительного коллективного существования.

Наиболее интенсивное обсуждение всех выделенных нами тем, от масштабов и характера репрессий, правозащитного движения, стиля политического руководства, управления, экономики, афганской войны, возможностей эмиграции и сравнения образа жизни внутри Союза с западными стандартами до экзистенциальных проблем существования — смысла и ценностей жизни, любви, смерти, религии — происходит в определенных группах, занимающих более высокие социальные позиции, обладающих более значительными культурными, образовательными, интеллектуальными ресурсами. Это руководители, специалисты с высшим образова-

ем и их дети — учащиеся и живущие в столице, в крупнейших городах. Именно эти опрошенные и чаще обсуждают, и в большей степени ангажированы социально-политическими проблемами, перспективами страны. Они в большей степени и гордятся, и стыдятся настоящего прошлого страны. Однако, как мы уже выяснили, эти категории, которые Ю. Левада называл «социальной элитой», оказались не в силах — в силу двойственности, или точнее, двусмысленности своего положения и выполняемых функций в советской тоталитарной системе, присущего им двоемыслия, противоречия между самоидентичностью и вынужденной или искренней лояльностью режиму, от которого они, как и все прочие в СССР, зависели в материальном и социальном плане, — рационализировать природу режима, прошлое советской системы со всеми ее черными дырами, а также определить перспективу на будущее, выработать программу трансформации системы, как это сделали элиты в странах ЦВЕ. Последствием этой неспособности или несостоятельности было то, что процессы социализации и образования шли и идут в настоящее время по разным каналам воспроизводства и не дублируют друг друга. Модернизация (технические знания и формы организации, инструментальное отношение к человеку) не подкрепляется соответствующей структурой представлений и ценностей человека — культурой, антропологией, мотивами его поведения, формами социальной GRATIFICATION и признания. Одно не вытекает из другого.

В результате получение «современного» знания естественно-научного и инженерно-технологического характера, его функционирование в обществе не связывается с проблемами природы человека, в том числе — нашего, советского человека, с субъективными запросами и проблемами самопознания, как это было в Европе Нового времени и закрепилось в традициях европейской или «современной», гуманистической культуры, в традициях Просвещения, институционализированных в формах общественного устройства. Оно воспринимается как нечто внешнее, а потому насаживается на архаическую основу примитивного понимания человека и отношений в тоталитарном обществе, причем навязывается, преподается столь же принудительными и репрессивными средствами. Нельзя это связывать только с обстоятельствами и культурным контекстом «догоняющей модернизации», речь идет именно о советском контексте получения знания и его использования. Знание о человеке, аккумуля-

руемое в символических формах — праве, литературе, этике, науке, культуре, философии и т. п. — рассматривается как нечто внешнее, как профессиональный ресурс, которым владеет определенная часть тоталитарной бюрократии, но не как жизненная стратегия поведения индивида. Именно поэтому такое знание не сопряжено с этическими вопросами существования или планирования жизни, перспективным выстраиванием собственной биографии.

Для нас в данном случае важно отметить асинхронность разных систем значений межпоколенческой репродукции (систем образования и социализации, воспитания) или — в более узком плане — разную действенность различных каналов передачи опыта, информации, сведений о прошлом. Для того чтобы на нашем материале рассмотреть эти особенности, мне пришлось сгруппировать разные источники по типу их действия, особенностям репродукции и соотнести их с характером воздействия: особенностями «памяти» респондентов, пользующихся этими каналами. Все источники были разбиты на четыре типа: *устные* (или традиционные

формы передачи опыта, сведений от человека к человеку — рассказы современников, непосредственных участников событий, «свидетелей»); формально институциональные, т. е. дающие опосредованное и генерализованное или препарированное знание, которые разделяются на *образовательные* (средняя школа, высшее образование), *литературные* (предполагающие обращение к любым формам письменной культуры и коммуникации — чтение книг и журналов) и *массмедийные* (главным образом телевидение с его сериалами и публицистическими передачами, а также кино, радио, тонкие гламурные журналы и проч.). Полученные распределения сведены в таблице 31.

Минимальный объем коллективной памяти о советских временах приходится на самые старшие возраста — людей первого советского поколения 1920–1943 гг., т. е. на самих участников исторического процесса построения СССР. Напротив, следующие за ними когорты, чье детство и юность пришлось на хрущевскую оттепель и брежневский застой, стали переломным поколением перестройки. Это поколение

Таблица 31

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ЗНАЕТЕ О ТАКИХ СОБЫТИЯХ, КАК... (в % от числа опрошенных)

Каналы / Возрастные группы	15–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Массовые репрессии, террор						
Устные	14	13	21	24	30	38
Образовательные	39	34	19	17	15	14
Литературные	19	24	27	30	24	22
Медийные	28	29	32	28	31	26
Ничего не знают	21	16	6	7	8	5
Коллективизация, голод, насильственная депортация						
Устные	17	16	24	24	33	44
Образовательные	42	35	25	25	19	14
Литературные	17	22	22	25	23	20
Медийные	24	28	29	26	25	22
Ничего не знают	19	11	6	10	7	5
Преследованиях диссидентов						
Устные	10	6	11	12	13	17
Образовательные	35	31	15	13	11	12
Литературные	24	23	32	37	35	28
Медийные	30	40	42	37	41	33
Ничего не знают	41	31	33	25	29	40
О событиях в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии						
Устные	7	11	14	13	18	17
Образовательные	40	28	19	13	10	10
Литературные	18	24	26	31	32	29
Медийные	35	38	42	42	40	43
Ничего не знают	50	43	38	31	28	35

О войне в Чечне						
Устные	24	25	22	21	23	19
Образовательные	16	9	6	6	5	4
Литературные	17	21	25	25	24	25
Медийные	43	45	47	48	48	51
Ничего не знают	4	3	3	5	3	3
Удельный вес влияния каналов в общей структуре информированности (в %)						
Устных	14	14	18	19	23	28
Медийных	32	36	38	36	37	36
Образовательных	34	27	17	15	12	11
Литературных	19	23	26	30	28	25

успело захватить период прорыва и слома исторических клише и официальных версий, соединить в своем опыте и переданный им от родителей ужас сталинской повседневности, и первые альтернативные версии недавней истории страны. Но с каждым следующим поколенческим шагом актуальность истории (снятие запретов и желание пробиться к тому, что «было на самом деле») заметно снижается: для самых пожилых и тех, кто появился на свет перед самой перестройкой, т. е. социализировался уже в момент развала системы, значимость исторической тематики минимальна.

Критическими для воспроизводства «исторической памяти» являются послевоенные поколения — когорты 1943–1954 г. рождения. Именно они были самыми активными в перестройку (им было тогда по 35–45 лет). Это поколение запомнило неудачу хрущевской оттепели и реформ, в меньшей степени осознало суть венгерских событий, но уже было достаточно зрелым, чтобы понимать характер Пражской весны и последствий ее подавления. Это поколение сложилось на стыке уходящего советского поколения (военного) и перестроечного, вошедшего в жизнь во время Горбачева. В их семьях в большей степени, чем в каких-либо других возрастных группах, велись откровенные разговоры младших со старшими, обсуждались публично табуированные и запретные темы и проблемы — репрессии, бесконтрольность и неэффективность коммунистической власти, уровень и характер жизни за границей, циркулировал и читался самиздат, поднимались вопросы морали, метафизики, будущего страны и проч. На этом поколении, т. е. на когорте тех, кому сегодня от 50 до 65 лет (рождения не позднее середины 40 — первой половины 50-х гг.) советская система ломается — механизмы репродукции, передачи правил поведения в тоталитарном обществе начинают давать сбой.

Принадлежащие к этой возрастной когорте являются еще носителями советских символов и представлений, но одновременно для них значимы другие идеи и ценности, другие конвенции и формы солидарности, из-за чего собственно советские образцы оказываются в другом смысловом контексте.

Но как ни важны сами по себе возрастные характеристики, они еще недостаточны. Не менее значимыми были социальные характеристики (статус руководителя, специалиста или служащего, высшее образование, открывающее путь к карьере, пользование спецхраном, спецраспределителями, возможность бывать за границей, допуск к материалам для служебного пользования, т. е. принципиальное расширение источников информации), более интенсивное чтение подцензурной и неподцензурной литературы (толстых журналов и публицистики, сам- и тамиздата) и проч. Достаточно обратить внимание на суммарное число ответов, чтобы убедиться в более интенсивном осмыслении у респондентов, соединяющих указанные характеристики — статус, образование, возраст, проживание в крупных городах.

Принципиально важна для этого поколения двойственность опыта: слабая, но все-таки устрашающая память о сталинизме, бессознательно усваиваемые страхи старших, понимание особенностей советского образа жизни и отталкивание от него, особенно энергично ощущаемое в годы перестройки. Именно этот бессознательный, т. е. нерационализируемый, опыт существования в условиях репрессивного режима является фактором изменений. Но поскольку он не передается, то его действие может проследиваться только для старших возрастных групп (старше 55 лет), затем следы этого опыта слабеют и быстро исчезают. Иначе говоря, это исчезающий «хвост» советского существования и, соответственно, его неприятия. Максималь-

ный объем социального множества, сохраняющего воспоминания об этой жизни, может быть оценен следующим образом: от 13 до 21% знают о сталинских репрессиях, голоде, практике и эксцессах коллективизации непосредственно из семейного опыта и памяти (своей или рассказов родителей, обладающих безусловной достоверностью и конкретностью, которые не могут быть ничем опровергнуты, но могут быть стерилизованы, взяты «в скобки», т. е. задвинуты в такие уголки сознания и памяти, из которых они вытаскиваются лишь в исключительных обстоятельствах). К этому следует добавить еще 38–42%, которые знают о том времени из рассказов родственников и близких знакомых, характеризующихся такой же или аналогичной степенью достоверности передаваемого содержания. Но это знание (назовем его условно «памятью») передается в дальнейшем все хуже и хуже – в группах молодых (16–24 и 25–35 лет) удельный вес подобного «знания» не превышает в сумме 20–21%, причем понятно, что качество и яркость подобных впечатлений, рассказов, фактов, деталей пережитого резко снижается, эти свидетельства становятся менее значимыми, аморфными, отрывочными и почти случайными.

Собственно память, «живая память» накапливается главным образом в селе и в средних городах. В последних, видимо, потому, что для основной части «ступенчатой» миграции из села, интенсивно происходившей в 1960–1970-е гг., когда крестьяне стали получать паспорта и колхозная молодежь не возвращалась в деревню после армии или учебы, именно средние, а не малые или большие города были целью достижения. В малых не было приемлемых условий для получения работы и жилья, а в больших были слишком жесткие ограничения на прописку, предоставляемую только по разнарядке на работу – «лимит» – и слишком велика дистанция от места отъезда, слишком силен отрыв от дома. Живая «память» лучше сохраняется в среде малообразованных людей (среди респондентов с неполным средним образованием – у 41%, среди респондентов с высшим образованием – у 34%). Она не может воспроизводиться потому, что этот опыт слишком частный, конкретный, своеобразный, индивидуальный, а потому не имеет оснований для генерализации и превращения в *общие представления*, служащие основой коллективных конструкций реальности. Чтобы воспроизводиться, он должен быть переработан в соответствии с принятыми и достоверными конструкциями изложения

прошлого, т. е. подвергнуться стереотипизации и риторической обработке, вписаться в общие схемы и конструкции прошлого.

Таким образом, сведения, факты или отдельные свидетельства о недавнем прошлом России (советском, в особенности сталинском) носят характер россыпи информационных сообщений, не образующих связную и систематическую картину происходившего. Бессвязность возникает именно из-за отсутствия связи с настоящим, которая могла бы играть такую роль, какую играет магнитное поле, поляризующее и ориентирующее по силовым линиям металлические опилки.

Из анализа приведенных в этих таблицах распределений следует несколько важных выводов.

Первое. Личные свидетельства о прошлом, концентрирующиеся главным образом в традиционалистской среде (села, малые города или мигранты первого поколения в города), не воспроизводятся, забываются в следующих поколениях. Несмотря на свою яркость и убедительность, они не могут быть генерализованы и включены в общую конструкцию понимания исторических явлений, логики происходящего, смысла процессов, что требует другой интеллектуальной культуры и техники работы. Они содержат сильную оценку прошлого, однако она не может быть артикулирована. В принципе более продуктивными являются литературные каналы, дающие некоторое первичное осмысление и оценку прошлому, однако их зона действия ограничена условиями потребления: к ним обращаются главным образом люди с высшим образованием, горожане, зрелого возраста или пожилые люди. А это значит, что они точно так же работают на определенные поколенческие группы, не будучи подхваченными молодежью.

Второе. Образовательные и медийные каналы, будучи наиболее массовыми по своему охвату, дают стерильную картину прошлого, основанную на державной конструкции истории. Они нейтрализуют, снимают ценностные аспекты истории, давая холодную и скорее официальную версию прошедшего, не затрагивающую личностной идентичности реципиента, не включающую его в прошлое, не вызывающую эмпатии и сопереживания, вопросов ответственности властей (режима, системы) за человеческие жертвы и страдания. Советская (но еще в большей степени – постсоветская) школа, культивируя великодержавную легенду власти, убивает личностный смысл истории и интерес молодежи к прошлому. Может быть, именно поэтому российское общество так довольно своим

школьным образованием, в том числе преподаванием истории¹. Массмедиа, даже если они касаются горячих или болезненных вопросов отечественной истории, не затрагивают ценностных моментов истории и в этом плане абсолютно незначимы для понимания истории и ее значения для настоящего. *Эти каналы не влияют на распределения ответов о «знании» тех или иных обстоятельств прошлого, на способность к ценностным определениям прошлого, прежде всего к моральной или гуманистической оценке отечественной истории* (см. табл. 31). Именно поэтому, видимо, 75% опрошенных на вопрос «Имеет ли смысл сейчас искать виновных в сталинских репрессиях?» твердо ответили «Нет», 15% затруднились ответить и лишь менее 10% заявили «Да» (2008, N=1500).

Таблица 32

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ЗНАЕТЕ О СТАЛИНСКОЙ ЭПОХЕ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Из фильмов и телепередач	63
Из книг по истории, художественной литературы	54
Из школьных учебников	49
Из рассказов родителей, старших, близких друзей	47
Из собственного опыта, я жил в то время	11
Из передач зарубежного радио, самиздата, книг, изданных за рубежом	2–3
Затруднились ответить	1

Октябрь 2008 г., N = 1600.

Согласно одному из последних опросов, 82% слышали о репрессиях 1930-х гг., т. е. можно считать, что подавляющее большинство россиян являются в той или иной мере информированными об этих событиях. Более того, 72% полагают, что власти должны больше делать для того, чтобы люди лучше знали реальные масштабы Большого террора и репрессий того времени. 55% полагают, что с помощью репрессий власть установила систему «рабского труда в нашей стране». Иначе говоря, большинству людей, казалось бы, понятен и смысл этой политики, и ее цена, однако это понимание или знание не вызывает реакции действия, которая, если судить по логике «нормального рассудка», должна была бы последовать за этим знанием.

¹ 80% россиян довольны качеством тех знаний по истории, которые они получили в школе. А это значит, что существует равновесие между запросами к истории страны и предложением, обеспечивающим разгрузку от ненужных вопросов и напряжений.

Положительного эффекта сталинская или советская практика репрессивного принуждения к строительству светлого будущего не дала (т. е. не дисциплинировала людей и не заставила их лучше работать — так полагают 54%, противного мнения придерживаются лишь 17%, у остальных 30% на этот счет нет собственного мнения). Двойное сознание россиян ни в чем так не проявляется, как в отношении к прошлому: более половины (опять-таки в массе своей те же люди) считают: бессмысленно говорить о репрессиях, поскольку мы никогда не узнаем, что в действительности произошло в 1930-е гг. И одновременно большинство (55–62%) выступают за освещение всех темных страниц нашей истории, чуть меньше половины (46%) полагают, что нужно продолжать дискуссии о репрессиях, хотя более трети россиян считают, что их следует прекратить (в том, что они вредят России, убеждены 22%).

Привитый российскому обществу советской школой, пропагандой, политикой цинизм заставляет людей утверждать, что «объективной исторической правды не существует» (так полагают 67% опрошенных, к которым можно добавить 10% затруднившихся ответить на этот ценностный вопрос, итого мы получаем 77% релятивистов или нигилистов в истории!). Не согласны с этим лишь 23%. И это понятно, если учесть, что, по мнению 43% россиян, учителя в средней школе должны ориентироваться на двойные критерии: на изложение точных фактов и их исторических оценок, с одной стороны, и «на задачу воспитания патриотических чувств»; за то, чтобы ориентироваться только на «укрепление чувства национальной гордости», еще 17%. И лишь явное меньшинство (28%) полагают, что преподавание в школе должно быть подчинено задачам донесения до молодежи исключительно «исторической правды». Как говорится, «обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».

Большинство опрошенных просто не может дать определенный ответ на вопрос, было ли обсуждение этих тем в семье или нет, либо они не помнят такого (около 60%). Лишь примерно треть подтверждают, что такие разговоры у них в семье велись (чаще с поколением бабушек и дедушек — 15%, но иногда и с родителями — 10%). Запрещать не запрещали, о прямых запретах свидетельствуют лишь 5%, но разговоры не возникали или респонденты не помнят об этом. И это при том, что примерно в каждой седьмой семье был кто-то репрессирован во время Сталина (14%; вдвое больше не помнят или не зна-

ют, отказываются от ответа – 29%).

По поводу реабилитации жертв репрессий или депортаций у более чем половины опрошенных (54%) нет мнения. 40% россиян против люстрации в России как несправедливой меры (22% поддержали бы эту практику), и почти столько же не имеют собственной позиции в этом вопросе. 25% против того, чтобы заниматься прошлым и вновь ворошить ушедшее, 46% полагают, что «нужно знать больше о сталинском периоде, чтобы не повторять ошибок», 29% – что «вреда в этом нет, но и особой нужды или потребности в переоценке прошлого тоже нет» (январь 2010, N=2000).

Более того, в общественном мнении ясно прослеживается связь между манипулированием историческим знанием и интересами удержания власти нынешним режимом. Так, во время острой полемики вокруг комиссии по борьбе с фальсификацией истории абсолютное большинство россиян (60%) ответили, что сотрудники КГБ не должны входить в подобную комиссию.

Сопrotивление признанию исторических фактов. Точку зрения или интеллигентское мнение, заключающееся в том, что достаточно лишь правильного и объективного изложения фактов для того, чтобы люди изменили свое отношение к прошлому (а тем самым – и к настоящему), следует считать несостоятельной. Массовое сознание будет держаться за свои стереотипы и привычные конструкции прошлого, отношение к ключевым символам и авторитетам, поскольку они *не случайны*, а представляют собой устойчивую, т. е. воспроизводимую систему представлений и отношений в обществе, и, стало быть, функционально встроены в другие взаимосвязи (поддержания групповой или индивидуальной идентичности, лояльности, отношений коллективного заложничества, определений реальности, системы ориентаций в мире и т. п.). Большинство людей упорно защищают свои представления, отказываясь признавать неприятные факты без явной санкции на изменение¹.

¹ Примером такой санкции было практически мгновенное изменение мнений о характере Катынского дела после того, как первые лица государства заявили о своем отношении к нему (после катастрофы польского правительственного самолета под Смоленском). За короткое время – менее месяца – соотношение настаивающих на том, что поляков расстреляли гитлеровцы и что это была операция, проведенная НКВД по приказу Сталина, полностью изменилось на противоположное: от отрицания фактов преступления общественное мнение перешло к его признанию. Легкость такой перемены указывает на отсутствие внутренней этической работы и растождествления с прошлой властью как момент отказа от принятия ответственности за нее и за прошлое.

Разберем это на примере отношения россиян к факту советской оккупации стран Балтии перед Второй мировой войной. Сами по себе эти события 1939–1940 гг. получили вполне определенную интерпретацию у историков, собравших убедительные свидетельства принуждения правительств этих стран к проведению зависимой от СССР политики, подчинению их руководству СССР, отказу от суверенитета перед лицом военной интервенции, а также описание последовавших за этим репрессий, жесткой политики советизации и классовых чисток². Какая-то информация о тех временах начала поступать к населению России по меньшей мере с 1988 г., с начала движения народных фронтов в Прибалтике, публичных дискуссий в СМИ и во время Съездов народных депутатов СССР, безнадежных споров вокруг документов, связанных с пактом Молотова–Риббентропа и постыдного отрицания их партийным и государственным руководством СССР. Но, начиная со времен консервативного реванша во второй половине 1990-х гг., эти темы постепенно стали вытесняться из публичного пространства. Более того, балтийские страны, поднимавшие их, стали подвергаться дискредитации как страны, ревизующие итоги Второй мировой войны, победы над фашизмом и защищающие ветеранов, воевавших на стороне Германии против СССР.

Непосредственным поводом к такой интерпретации позиций этих стран со стороны России стало стремление их руководства к вступлению в НАТО и интеграции в ЕС, что вызывало острую реакцию в российских политических кругах. В этом плане дискредитация этих стран (в свете символического значения Победы над Германией) была очень важна для нового правительства России, испуганного успехом цветных революций и озабоченного созданием санитарного кордона против влияния европеизма и демократии. Если в 1990-е гг. отношения России и Балтии, как и отношения с Польшей, отодвинулись на второй и третий план, то начиная с 2003 г., после зачисток информационного и политического пространства, путинский режим взял курс на умеренную и регулируемую конфронтацию с будущими членами ЕС и НАТО. Такая политика вошла в качестве составной легенды легитимации власти режима. Поэтому не случайно, что с середины 2000-х гг. мы начали фиксировать возвращение к советской схеме интерпретации истории отношений СССР и Балтии, Катынского дела и других исторических

² См.: Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1949–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

событий. Прежде всего «заработала» школа, активизировавшая идеологически «правильные» версии происходивших процессов. Доля ответов, соответствующих официозу, поднялась за два года на 7 пп. (см. табл. 33). Напротив, число ответов, отражающих фактическую версию событий, уменьшилось с 46 до 38%.

Таблица 33

КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ВКЛЮЧЕНИЕ СТРАН БАЛТИИ (ЛИТВЫ, ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ) В СОСТАВ СССР В 1940 БЫЛО ДОБРОВОЛЬНЫМ ИЗЪЯВЛЕНИЕМ НАРОДОВ ИЛИ ОНО ПРОИСХОДИЛО ПОД ДАВЛЕНИЕМ СССР И ТАЙНОГО СГОВОРА СТАЛИНА И ГИТЛЕРА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2005	2007
Добровольным изъявлением воли этих народов	30	37
Под давления СССР	29	26
Результат тайного сговора Сталина и Гитлера	17	12
Затруднились ответить	23	25

N=1600.

Эти изменения явно происходили под сильнейшим влиянием пропаганды, затрагивавшим в первую очередь молодежь. Кремлевские лидеры открыто настаивали на официальной версии вопреки массовым сомнениям и чувству неловкости из-за явной неправды (об этом косвенно говорит рост затруднившихся с ответом). При более прямой формулировке подсказки в 2006 г. (согласны ли опрошенные с тем, что «страны Балтии подверглись оккупации советскими войсками»), массовая реакция была преимущественно негативной: только 15% опрошенных согласились с таким суждением, не согласны были 68%. В данном случае очевидно воздействие «лобовой» и оценочной формулировки вопроса. Ключевым здесь оказывается слово «оккупационный», на которое реагирует массовое сознание, не допускающее отрицательных коннотаций по отношению к комплексу значений «советские войска» или «советская политика». Характерно, что данный опрос проходил, как уже показано, между двумя другими, в которых скрытое признание этой оккупации высказала большая часть опрошенных, нежели количество отрицающих этот факт – 46 и 38% соответственно (см. табл. 33).

Отрицание исторических фактов облегчается созданием общей конфронтационной обстановки – искусственно раздутым в СМИ скандалом с «Бронзовым солдатом», подкрепленным манифестациями «Наших», получивших большую телевизионную аудиторию,

и общей атмосферой «Наших бьют!» В том, что русскоязычное население стран Балтии «живет плохо», уверены 78% опрошенных. 77% россиян считают, что права русскоязычного меньшинства нарушаются, и этот вопрос должен быть предметом беспокойства международного сообщества и России (что это внутреннее дело Латвии или Эстонии, полагали всего 13%). При этом бывали когда-нибудь в Прибалтике лишь 17% россиян, т. е. основания для такой уверенности получены исключительно из СМИ. Дружественно настроенными к России Латвию, Эстонию и Литву считают лишь 0,5–1,5%. Не доверяют руководству этих стран 62%. От 28 до 30% опрошенных в 2005–2008 гг. полагали, что для России «вступление Латвии в НАТО» представляет собой «большую угрозу» («небольшой» эту угрозу считают примерно столько же – от 29% до 34%). При этом значительная часть россиян, гораздо большая, чем только что указанная, сознавали, что вступление Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО будет способствовать безопасности этих стран: 44 против 34%, которые придерживались противоположного мнения (2003 г.). Иначе говоря, относительное большинство россиян косвенно признавали опасность для этих стран, исходящую от нынешней России.

Таблица 34

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСИЛИСЬ БЫ С ВЫСКАЗЫВАНИЕМ: РОССИЯ ДОЛЖНА ИЗВИНИТЬСЯ ЗА СОВЕТСКУЮ ОККУПАЦИЮ СТРАН БАЛТИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Молодежь			Население в целом
	2005	2007	2009	2010
Полностью согласен + скорее согласен	12	10	12	15
Скорее не согласен + совершенно не согласен	70	71	63	67
Затруднились ответить	18	19	25	18
Число опрошенных	2000	1800	1000	2000

Те же самые реакции мы наблюдаем в отношении ко всему комплексу вопросов, связанных с признанием ответственности советских властей за расстрел польских офицеров в Катыни и других лагерях, по отношению к украинской теме голодомора, насилию против гражданского населения и мародерству солдат Красной Армии в 1945 г. на занятых при наступлении территориях других стран, прежде

всего Восточной Пруссии. Раздвоенность массового сознания людей при репрессивном режиме (противоречие между идентификацией со страной, неотделимой от режима, подавляемым смутным пониманием его преступности и, в какой-то степени, необходимости разделять ответственность и коллективную вину перед собственным народом и народами других стран) парализует атомизированного и дезориентированного частного человека. То, что «маленький человек» не остается в неведении относительно прошлого, проступает в прожективных вопросах (например, о том, что думают *другие* относительно российских героев и вождей). Как видим из распределения ответов, приводимых в таблице 35, лишь 10–16% настаивают на сталинистской оценке «отца и учителя» всех народов, 40–50% совершенно недвусмысленно заявляют, что другие страны и народы знают об отрицательном образе Сталина, остальные (от 43 до 39%) уходят от ответа или прячутся в варианты «другим нет дела до Сталина и наших проблем».

Таким образом, формирование негативной установки в отношении этих стран у большинства российского населения оказывается причиной отрицания определенных исторических фактов, нейтрализации их значимости и оправдания враждебного отношения к ним.

Таблица 35

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОТНОСЯТСЯ К СТАЛИНУ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В СТРАНАХ ЗАПАДА? В БЫВШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ? (в % от числа опрошенных; ранжировано по колонке «На Западе»)

Вариант ответа Они ...	На Западе	В бывших соцстранах
считают, что Сталин такой же деспот и государственный преступник, каким был Гитлер и Муссолини, создатель советской империи	22	25
относятся к Сталину со смешанными чувствами уважения, страха и негодования	19	26
считают, что Сталин – великий человек, под руководством которого СССР стал одной из могущественных держав в мировой истории	16	10
Ничего не знают о Сталине	5	4
Сталин их не интересует	17	12
Затруднились ответить	21	23

N = 800.

Хотя абсолютное большинство взрослых россиян признают сам факт массовых репрессий как безусловное преступление сталинского руководства, но оно не воспринимается как *государственное преступление*, поскольку путинский официоз до сих пор поддерживает двусмысленную и противоречивую интерпретацию такой политики («с одной стороны, с другой стороны...»). К положительным моментам репрессивной политики относятся «успехи» форсированной военно-промышленной модернизации, (достижения и цена которой до сих пор по существу не осознаны обществом, не были предметом национальной дискуссии), подготовка к войне, дисциплинирование народа, подавление скрытых «врагов» советской власти (одно это уже должно было бы стать поводом для пересмотра официальных версий истории), создание советской экономики – насильственной коллективизации, принудительного рабского труда. К отрицательным – гибель невинных людей, часто оцениваемых как лучшие, наиболее яркие, умные, образованные и талантливые. А в целом фиксируется полная неспособность оценивать эти события ввиду их «сложности» и переплетенности последствий. Доминирует именно недееспособность суждений.

Отсутствие в обществе (и тем более у властей) сколько-нибудь авторитетной позиции в отношении советского времени или, в более концентрированном виде – оценки сталинского режима, террора, массовых репрессий, бесправия и нищеты основной массы людей отражается и в практике преподавания и обучения в школе, и, соответственно, на характере социализации молодых поколений. В принципе, все равно, каким авторитетом она могла бы быть выражена: культурным, моральным, религиозным, важна лишь определенность в суждениях и квалификации событий советского (в особенности ленинского и сталинского) периода, образующая силовое поле публичного пространства. Но его нет, и это результат вполне направленных усилий пропагандистского аппарата нынешнего режима. Нельзя сказать, что здесь царит полное неведение. Как раз наоборот. Как мы видели, абсолютное большинство россиян что-то знают об этом времени, хотя фон и контекст интерпретации событий противоречив, сохраняется двусмысленность или двойственность оценок, поскольку действуют одновременно разные источники знания, обусловленные интересами власти, поддержания статус-кво политической системы, силовых институтов, церкви.

Дело, собственно, не в неясности содержания или смысла событий (постоянный рефрен: мы пока еще не знаем всей правды о сталинском времени, о репрессиях и т. п.), а в том, что в строгом смысле люди и не хотят знать, поскольку они оказываются в ситуации квазиморальной сшибки. Подспудно люди чувствуют, что здесь должна быть моральная оценка, но ее нет, поэтому их индивидуальные позиции сталкиваются с как бы однозначно коллективно выраженным пониманием событий того времени («Надо понимать: такое было время!», «Нельзя судить о том, что тогда было, исходя из нынешних представлений!»). Модальность псевдообъективной точки зрения, идентифицируемой опрошенными с коллективной позицией, а по существу — с идеологической версией властей и официоза, стерилизует значимость собственного отношения к преступлениям власти, блокирует понимание истории, ее моральную оценку, как и оценку настоящего, недавних преступлений нынешней и ушедшей власти.

Кроме того, крайне важно, что даже за негромким признанием политики Сталина, советского руководства «преступной» не следует никаких практических шагов по реабилитации пострадавших, с одной стороны, и изменению положения дел, привлечению виновных к ответственности, компенсации за причиненный ущерб, возвращению реквизированного имущества и т. д., с другой. Общественное мнение, во всяком случае, практически не знает реальных шагов по признанию ответственности за преступления власти в советское и постсоветское время. Льготы жертвам репрессий настолько мизерны, что о них практически почти никто не слышал и не учитывает в оценке действий властей.

Сакрализация власти и государства. Значимость конструкций истории (времени и пространства) заключается не только в резко выраженной идеологии «исключительности» народа, государства и вместе с тем отдельного человека, принадлежащего к этой большой общности, но и в том, что она включает гораздо более мощный ресурс косвенно связанных с этим понятий и представлений — подчинения, власти, страха, превосходства над другими, снятия ограниченности и жалкости частного существования. Последние более важны, поскольку именно они задают порядок и характер отношений индивида, группы с институтами и коллективным поведением. Суть этих отношений — обесценивание всего индивидуального, включая ценность отдельной жизни или значение субъективности,

установление насилия как кода социальности, дискредитация значимости любых автономных институтов, придание всему строю жизни впечатления безнадежной безальтернативности.

Это как бы прибор обратной перспективы, бинокль, если смотреть на него с обратной стороны. Поэтому иррациональность власти не позволяет, блокирует процессы дифференциации и ролевое определение носителей власти или их спецификацию. Невыразимость значений власти (иррационализм) указывает на ритуальный характер отношения к ней. Эти значения могут артикулироваться только в церемониалах, а в повседневной практике оказываются равноценными голому насилию, принуждению, неподчиненности чиновника здравому смыслу или маленькому человеку (подзаконные процедуры всегда приоритетны перед более высокими, но формальными законами). Отсюда нынешняя близость первых лиц, всего госаппарата, депутатского корпуса к церкви, все более выступающей в качестве магического средневекового института, шамана, владеющего волшебными средствами воздействия.

Выводы. Подводя итог рассмотрению параметров массового временного сознания в постсоветской России, можно сделать несколько заключений.

1. Российское общество находится в промежуточном состоянии перехода от самых ранних фаз частичной или односторонней модернизации к более сложному и дифференцированному социуму. Этот процесс перехода нельзя считать предрешенным и детерминированным, поскольку мощным препятствием на этом пути оказываются консервативные политические институты и сам «советский человек», адаптировавшийся к подобному существованию и идентифицирующийся с данными институтами, сопротивляющийся любым переменам, боящийся нового, неизвестного и своеобразного.

2. Временные горизонты большинства населения ограничены имеющимися средствами планирования будущего и механизмами удержания прошлого: если подавляющая часть населения не в состоянии рассчитывать свои действия на срок более года (действующие институты не гарантируют правил и норм, позволяющих аккумулировать ресурсы для более долгосрочного действия), то обратная проекция времени в прошлое не позволяет удерживать в массовой памяти события более двух-трех лет (далее они подвергаются эрозии и забываются, т. е. теряют свое ценностное значение и вытесняются).

3. Организованной структурой событий прошлого обладают лишь формальные государственные репродуктивные институты (прежде всего — массового среднего образования, затем — пропаганды), адаптирующие доминантную схему «истории великой державы» к актуальным интересам политики и удержания власти действующей группировкой. Базовая конструкция истории в этом плане представляет собой легенду власти, предназначенную главным образом для легитимации господства и поддержания опорных консервативных институтов, блокирующих потенциал структурно-функциональной дифференциации общества. В этом отношении все усилия тех, от кого зависит массовое сознание прошлого, направлены на подавление памяти о прошлом и, тем самым, на нейтрализацию сложности или сложности социально-культурных представлений об обществе, ресурсах его развития (специализация функций, расширение смыслового потенциала возможных социальных взаимодействий), на устранение идеи другого будущего, помимо нынешнего «и т. д.». Другими словами, постоянная «борьба с фальсификациями истории» нацелена на подавление возможностей модернизации страны, последовательную девальвацию и без того очень слабого или ограниченного ценностного потенциала системы, на деморализацию общества. В массовом сознании «упаковка» прошлого подчинена стратегии пассивной и вынужденной адаптации к репрессивному государству и внешним переменам.

4. Поколенческая память, основанная на непосредственных личностных связях и механизмах репродукции социального опыта, не в

состоянии обеспечить воспроизводство групповых достижений по рационализации прошлого и его этической или ценностной проработке. Межпоколенческие связи обрываются, не будучи поддержанными механизмами публичной интерпретации и генерализации опыта. Поэтому прошлое быстро забывается. Академическая наука, несмотря на свои несомненные достижения, изолирована от публичной сферы, в которой только и возможна значимая и продуктивная интеллектуальная, моральная рефлексия и проработка происходящего, она замкнута в своем особом и довольно стерильном мире. Возможности ее влияния на общество парализованы или даже обрезаны клановыми интересами власти, заботливо поддерживающей дух оппортунизма среди ученых.

5. Разлом в системе воспроизводства советских представлений произошел в околоэлитных группах из поколения, родившегося в довоенные и послевоенные годы. Это был слой людей, отличавшихся некоторыми привилегиями и льготами, ослаблением идеологического самоконтроля, расширенным доступом ко всему спектру дефицитных каналов, в том числе — альтернативным источникам информации и культуры. Эти группы и были носителями запросов на собственно историческое знание. Однако в силу двойственности их статуса и функции в обществе, их запросы и исторический опыт отталкивания, неприятия советского режима не могли быть институционализированы и в последующих межпоколенческих итерациях и циклах репродукции были забыты или стерилизованы.